

КРАЙ ГОРОДОВ

Петербургский литературный альманах
2011 №62

Сергей Земцов

Огненные революции и навоз

Сижу в серой рубаше
Смотрю в окно
Цивилизация Россия мать земля
Трагические формы
Формулы и знаки
Знание и зло
Злачные города
Гордые такие таксисты с музыкой
В серой рубаше не жарко
Не жалко Родину.

Яна Дягилева

1 -

Надо же – прислали человека с ледорубом... А он, Лев Троцкий, верил в “огненную революцию” и писал статьи по искусству, про Александра Блока: “Конечно, Блок не наш. Но он рванулся к нам. Рванувшись, надорвался”. Еще характерный оборот пролетарского комиссара – “Присоединившиеся ни Полярной звезды с неба не снимут, ни беззвучного пороха не изобретут. Но они полезны, необходимы – пойдут навозом под новую культуру. А это вовсе не так мало.”

Революция и культура данного толка существовала в политическом государстве с 1917 по 1990. Но рукописи не горят. И сочинения Ленина и Троцкого, следовательно, не горят – напротив, остаются владеть умами. Ишь ты – Зюганов принимает в пионеры школьников из города Жуковского! А у школьников есть родители, с которыми Зюганов договорился.

Наблюдая исторические метаморфозы – просто теряешь нить здравого смысла. Не то Светопредставление, не то “реальность”, с которой ничего не поделаешь, только что можно отгородиться от людей и бога персональной каменной стеной. Огненные революции еще покажут кузькину мать каким-то там недоприсоединившимся или опизденевшим.

И куда же без революции? В наши подлые времена, ему, Полиграфу Полиграфовичу. А вожаком революции – генерала выбрать, раздувшегося от любви к Родине. Ибо что такое Родина – картинка в букваре, импринт, за пределами Родины – Ничто. Так хочется генералу. Или генералу так нужно.

Окау. Но все хотят отдохнуть от политики. А для этого все есть. Grand Parade of Lifeless Packages. Понастроили. Законнектили. Выход в параллельный мир начинается сразу на сайте с банкоматом. Или Бригантина! Корабль, куда все включено.

Хорошее и доброе слово о СССР сказать можно. О писателях “застоя” хорошо отзывается Сергей Довлатов – они, эти писатели, ему помогли или Андрею Битову. Потому что действуют законы природы – как бы ни старались испортить все социальные реформаторы. И в средние века в Евро-

пе нельзя было ни строчки написать без ссылок на Фому Аквината, но Николай Кузанский, и уж тем более Николай Коперник, сумели что-то сказать важное. Таким образом существовали “благополучные семьи” между 1917 и 1990 в Российском пролетарском заповеднике. Им создали условия за счет перекачки энергии с других ресурсов, и они этими условиями воспользовались в самом благородном и положительном смысле. Иной сын секретаря райкома начитался и Фрейда в закрытом отделе ГПНТБ, и всего Фолкнера прочитал. А также господа ученые – эти уж точно в собственном соку в полный рост втянули в себя лучшие достижения человечества. И господам студентам было не так уж плохо – на лекциях им перепадали остроумные и умелые выкладки буржуазного в том числе интеллекта.

Я вот думаю, что общего между мной и Янкой Дягилевой? Я где-то там был на грани поступления в аспирантуру на Урале, а она изучала высшую математику в институте водного транспорта в Сибири. И оба мы обязаны были изучать элементы так называемого научного коммунизма – по определению социальной системы с религией данного типа. Конечно, мне далеко до нее – она звезда культового рок-ролла, и “послав” институт – вышла с концертами в народ. А то, что я “послал” теорию Галуа и машины Тьюринга, это скорее минус. Я, так сказать, аутентичный поэт. Плюс на минус дают освобождение. Это Освобождение как раз и есть то Общее... Я, она, и многие родственные нам товарищи с незаконченным опытом интеграции в комсомол, партию, в систему перекрестных доносов местному майору – мы НЕ ПОЛЮБИЛИ. Мы не полюбили ни “нелепую гармонию пустого шара”, ни дедушку Ленина, ни все остальное благо, может быть, и

существовавшее, а может быть и частично переползающее в будущее, в 21 век. Как мертвые обычно хоронят своих мертвецов, я не против, пусть живые продолжают любить Ленина и огненную революцию, потому что их так “гармонично” воспитали. Пусть ЛЮБЯТ. Любовь – это всегда хорошо.

Многие безусловно не любят сатиру, их коробит. Скажем, некоторые поэты серебряного века назвали Гоголя некрофилом. Но Гоголь писал и о любви. О любви Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. В этой повести нет ни грамма ненависти. Так что эта повесть видимо контрреволюционное сочинение. В наше время в школе на уроках литературы его почти не комментировали, и, кажется, и в школьную программу оно не входило.

2 -

Хотя я и избегаю мемуаров, в интересах законченной мысли, всё-таки вспомню, что родом я из города Новосибирска, где я два с небольшим года проучился в ФМШ, в Академгородке. Это вобщето было явление советской системы, в первую очередь этот самый Академгородок. Не то 40,000 курьеров, ни то 40,000 кандидатов наук, собранных в одном месте. Можно было бы цинично использовать еврейское слово “цимес”. Кроме всяческого советского позитива, института ядер-

ной физики, который построил Бегия, но почему-то некоторое время возглавлял Герш Ицкович Будкер, в Академгородке были явления, так сказать, классического антисоветизма.

Например, всякая Психоделия Today, Битлс, Криденса, в том числе виниловые пластинки того самого Deer Purple, помеченного на карикатурной маечке нынешнего президента Медведева. И некого Сергея Кургина, который сейчас борется, как может, за восстановление СССР, называют «главным битломаном кремлевской психоделики». Короче, это то, что нам и сейчас не могут простить, интерес к нерусской западной культуре. Из Гайд-Парка - «...ваше поколение купилось на Битлс и каршчу жисть...». Хотя, надо сказать, все эти тяжелые мегаватты какого-нибудь Тэжи Осборна, которые обрушивались на родителей шестидесятничков - в ТЕ времена имели другой смысл, ничего общего с западной культурой. То, что эта культура «западная», подметили в своих интересах лица, не чуждые политтехнологиям, лица манипулировавшие интересами.

Надо сказать, Янка Дягилева была знакома с «чуваками», которые

в Академгородке снабжали ее психоделией today на систематической основе. Без этого, она, как знать, может быть, гораздо дольше проучилась бы в своем институте водного транспорта. Существует толстая книга мемуаров друзей Янки, и главный друг Егор Летов. Вообще-то, Янка, выманила Летова из гбистского отделения психбольницы в Омске - страдая от нейролептической неусидчивости, он там пристроился на кухне чистить картошку - и удачно довезла до Крыма - откуда и пошел весь этот культовый рок-н-ролл. Слава Психонавтам, конечно, но с другой стороны, она долго не прожила. Ну, мы всегда только догадываемся, в чем смысл жизни - так что Слава! Слава Психонавтам!

Читатели, которых все же интересуют исторические детали культового рок-н-ролла 90-х годов, могут обратиться к изданию «Янка. Сборник материалов», 2001, «Облик», СПб, г.Павловск, 607 стр, ISBN 5-85976-223-3-2. Я не могу к этой книге что-либо добавить того, что касается хроники и документов тех времен.

Главный панк постсоветского пространства носил черные одежды, которые обзывали «гореть на костре». Пишут что не то Баркашов, не то Васильев заметили ему, что он плохо одевается, ходит еще и в кедах. На что Егор заметил, что одевается бедно, как одеваются его поклонники. Но, впрочем, дело не только в одежде, а в двойном концепте. Во-первых, для себя и для поклонников все таки имелось не одно и то же. Большинство поклонников отродясь не прослушивали компактные диски Сида Баррета. Во-вторых, знаменитое «пошли на ххх» - в одном контексте означало одно, в другом другое. Последнее свое «пошли на ххх» он так и не сказал своим нацболам и теоретическим пророкам фашизма - то ли очередная клиническая смерть не выпустила «домой», то ли просто захлебнулся. Так или иначе, последний бог революции - умер.

А дальше таксисты в серых рубашках включают свои счетчики. Дождутся и дня, когда умрет Чубайс. Отметят по традиции. Так до конца всей Кали-Юги... или что-то произойдет?

3 -

Известно, что наука стремится к строгости, и когда это адекватно, применяет математику. А математика - это не только формулы, - что понимают далеко не все, - а структуры мышления. Искусство, в общих чертах, всегда может сказать гораздо больше, чем наука. Но если от потока сознания, журналистского, и тем более современной мусорной ямы блогосферы, попытаться абстрагироваться - перейти к структурам - то это уже приближается к искусству. А наука - это, вообще, «симптом жизни», или нет, как вопрошал Ницше?..

После данной темной и, не побоюсь слова, темногегельнской преамбулы, я задам вопрос - а можно ли абстрагироваться от евреев, размышляя об огненных революциях, 1917 года в частности? Тут необхо-

димо немного понять, что значит абстрагироваться, потому что куда не денешься от анекдота: «Если за столом сидят шесть комиссаров, что под столом? - Двенадцать колен Израилевых». Впрочем, этот анекдот не от жидокомиссаров из Гайд Парка, а из книги Владимира Хазана, «Особенный еврейско-русский воздух», которую интересующиеся читатели могут поискать - Москва, Мосты культуры, 2001, ISBN 5-93273-065-X.

Экспертами по обману русского народа евреями являются Сергей «Батя» Жариков и джазмен старший Сергей Летов, брат Егора Летова. Сергей Летов тоже учился в ФМШ, в Академгородке, и снабжал младшего брата виниловыми пластинками Moody Blues и того хуже. У меня там в Омске один знакомый в школе от АС/DC был без ума. Что возьмешь ... Молодые и политически неграмотные, битла волосатая, гопники, социальные меньшинства.

Политграмату «простому мужику» преподала в полный рост группа «ДК», и соло на саксофоне Сергея Летова, право, дивно хорошо в «Песне Огня». 40 лет назад я и

Сергей Летов слушали вместе “Поэму Огня” и “Поэму Экстаза” Скрибина, хотя я плебейски нисходил на Whole Lotta Love Led Zeppelin.

Я помню Сергея Летова по ФМШ, и потом как-то в командировке в Москве зашел на его концерт. Притом другой одноклассник, Станислав Черновский, резко осудил меня, что после концерта я не пошел с ним за кулисами выпить коньяка. Но на самом деле я на самом концерте сидел, вышив грамм 100... Я же не бочка! Просто так получилось, что в ФМШ между двумя потоками, жившими в разных корпусах, существовали натянутые отношения. Потом, перед выпускным экзаменом, все подружилось, и главный всеобщий друг – Александр “Иваныч” Рожков, с которым, впрочем, до сих пор даже я переписываюсь. У Рожкова на квартире были и Янка, и Летов, и Селиванова он знал – так что он и главный мемуарист. В десятом классе в ФМШ дирекция начала “вышибать” из школы за разные грехи, меня вышибли первого, хотя на селективном педсовете мы рассматривались трое – я, Летов и Гневкин. Про Гневкина читатель может узнать все, или почти все, прогуглив “Калинов Мост” и “Ек-Макарек”. Гневкин истерически подстриг длинные волосы как под заключенного гулага, я не рассчитал, и из лесов вышел на трассу муниципальной машины, что квалифицировали как алкогольный синдром. А Сергею Летову, одному из нас троих, было все равно – он волосы стричь не стал, и сейчас не стрижет. Впрочем, из школы его выгнали по счету десятым или пятнадцатым, перед самым выпускным экзаменом, за чтение Булгакова, “Мастера и Маргариты” – почему-то и это было запрещено. Чтение Сергеем Летовым Булгакова помнит Ольга Порпиева/Мазина, которая сейчас в Филадельфии, и радуется за него, что Сергей в состоянии прокормить себя в Москве игрой на саксофоне. Она, возможно, была влюблена, хотя теперь уже это не важно. Sic transit ...

Но вернемся к нашим баранам. Политграмоту “простому мужику” – как писали критики, поставив его “раком” – преподала в полный рост группа «ДК», и соло на саксофоне Сергея Летова право дивно хорошо в “Песне Огня”:

Бросая вызов чести, славе, благородству,
Идут по грудь в крови головорезы из ЧК.
Под дулом палачей за счастье первородства
Гармошка заливается Ивана Дурака.

Кондовые вожди в невежественном реве
Грозятся развязать всемирный катаклизм.
И вот на Соловках еврейская корова
На трупах практикует свой интернационализм.

Слова песни - “Бати” Жарикова, который все-таки перегибает палку, подписывая в “жопных жужалках” свои статьи - Зигхайлюшки! Это все “Folks!”, а что еще можно найти в документации?

“С Лениным и тремя вагонами революционеров ситуация исследована хорошо. Кратко суть: один из организаторов сд партии в Питере Парвус (Гельфанд) - видимо, по своим личным связям пробил во властях Германии целый План (он сохранился в виде толстого тома!) - план политической дестабилизации в Российской империи. План был принят, деньги выделены.”

Получается так, что все-таки “поймали в мешок золотой огурец”, с точки зрения методологии, можно ли прожить без еврейского вопроса?

Нет! Даже квантовая физика не обходится без каббалиста Лайтмана. Евреи слишком умная нация, у них “планы”. Единственно реалистический вариант, gas chamber, final solution рейхминистра Гимmlера, – убивать.

Убийство евреев и является последней огненной революционной идеей. Боги этой идеи в сумерках России, как кошки, не уверены, то ли поцарапать, то ли лизнуть волосатую черную иудейскую лапу... Впрочем, это уже лирика. И послушаем революционный, зовущий к топорам, московский джаз.

4 -

Boys Don't Cry. Все же мне пришлось в своей жизни видеть плачущих мужчин. В школе, в ФМШ, у меня был один близкий друг. Он исчез, поэтому имени не буду называть. Но был он пижон и стилига. Мне присылали родители 15 рублей месяц, а ему папа, главный инженер завода, 25 рублей, поэтому он был самый богатый мальчик в классе. Ну и джинсы, в конце концов, раздобыл настоящие Levis. Хотя у него и Super Riffle были, смутно припоминаю. В общем мы с ним играли в политику, манипулировали комсомольской организацией – было интересно, но надоело. Читали в “Иностранной Литературе” кое-что – он Сартра и Камю явно переоценивал, просто ему нравилось их читать, говорил, что это “наши писатели”. Впрочем, я мемуары не пишу. Кончилось ему это все персональным делом в комитете комсомола об его идеологической несовместимости. Это уже было примерно в феврале, хотя меня отправили в вечернюю школу в октябре. Между октябрем и ноябрем я почти каждый месяц ездил в Новосибирск, в частности, нас вызвали на процесс спекулянтов пластинками, точнее, лично меня, так как я там какой-то In The Court покупал – и следовательно все выяснял, за 50 или 60 рублей. Я, вообще, King Crimson покупал в другом городе, а у того, на скамье подсудимых, покупал Let It Be. В самом зале заседания суда, вообще-то, этот вопрос о ценах смешно звучал. Но

и мой друг по комсомолу ходил на процесс – из любопытства. Он как-то надеялся на то, что из ФМШ его не выгонят, комсомольский процесс в комитете НГУ аннулируют, и папа его, который присылал ему по 25 рублей, надеялся. Он даже приехал, обосновался в гостинице РЗД, и приглашал через нас на беседу ключевых активистов комитета комсомола ФМШ. В конце концов, когда уже был куплен билет на самолет, в последний вечер, мы вдвоем выпили на двоих бутылку водки, сели в пустом блоке на две железные кровати, и мой друг плакал. Достаточно громко и долго. Я пожал на прощание его руку и поехал на железнодорожный вокзал. Где-то он жил в Гаграх – что мне сообщили по московскому какому-то связному телефону. Но он на связь не выходит. Функционально этот пассаж псевдомемуаров нужен мне поскольку объясняет, что с того самого вечера моя политическая персональная борьба, какая-либо общественная деятельность и контакты с народом перестали меня волновать. А также мне не интересна конспирация, внушение к своей персоне любви, выступления на сцене с перформансами и докладами на трибуне. Другими словами, я революционером не стал.

Хороший был революционер в Академгородке – Евгений “Джоник” Соловьев. Не так давно и он скончался, похоже, по вине врачей, которые не умеют в Кургане лечить язву желудка. Перед смертью читая сочинения Канта... Но он вообще был не равнодушен к третьему рейху, валькириям и певице Нине Хаген. Первая жена Джоника, Галя, тоже умерла, врачи не спасли ее, укушенную в Бердском заливе энцефалитным клещом. Галя рассказывала мне про Джоника кое-что, про депрессию и слезы... Кто бы мог подумать – ведь так было все весело... Джоник считал, что переделает мир после Джелло Биатри, Егор Летов говорил, что он станет круче «ДК». Даже Судаков “Манагер”, задрав штаны, убежал из комсомола в андерграунд. Дима Воронов, бас-гитарист “Бомж” – конечно же, повесился, – как-то раз ночью помог мне проникнуть в квартиру, через закрытую дверь. А кого-то и не хочется вспоминать. Все пройдет! И ЭТО тоже.

У меня есть друзья разные, и умеренные, и которые мне и пишут иногда в Вудбридж. В самом Вудбридже тезка и сосед по спальному району – из той же ФМШ, доктор философии, сын преподавателя физики из ФМШ, поклонник большевизма и общественных наук. Любовь, друзья – это хорошо. Нужно ценить. Если я не ценю – сам дурак. Я даже готов СССР повостанавливать – скажем, денег послать на памятник Владимиру Высоцкому. Я хотел и на памятник Летову в Омске 500 долларов дать, но Рожков пишет, хватит и 50, и там ходят бухают не то нацболы, не то просветленные панки. Что же я буду поощрять пьяниц... пусть меньше пьют и больше думают как перехитрить евреев. Как пишет Наталья Улицкая – иногда дело не в ненависти, а в непонимании. А поймут – так новую мировую религию и сами изобретут. Дел... В печку! В огонь!

Дмитрий Антошкин

Переводы сонетов В.Шекспира

Сонет 1

Как мира справедлива круговерть!
Ведь прелесть розы не уходит в тлен:
Хоть время ей приходит умереть,
Другая роза вырастет взамен.
Ты, человек, глазами наделён,
Но их, увы, переполняет зависть:
Ты не цветок, на мир ты обозлен,
Себя съедаешь сам, пытаясь всё исправить.
Опомнись! Ты же сам себя нарёк
Венцом творенья. Да, но ты лишь часть,
Да, власть тебе дана ложиться поперёк,
Не забывай: тебе дана и остальная власть.
Открой в себе цветок, не бейся лбом о твердь:
Земля для розы жизнь, а для упряма - смерть.

Сонет 6

Не дай старению замести следы,
Покрыть морщинам юных лет лицо:
Всего себя отдай другому ты,
Конец тогда не кончится концом.
То, что отдал, уж не вернешь назад
С процентами, как мелкий ростовщик.
Ты десять раз отдай, и будешь рад,
Увидев в десяти свой юный лик.
А десять тех, исполнив твой завет,
Еще по десять каждый народят:
Что будет делать смерть, когда навек
Ты будешь жив, навеки уходя?
Не поскупись – живи хоть сто веков:
Скупой себя хранит для червяков.

Сонет 20

В румянец нежный, в девичью истому
Завернуто страстей моих созданье,
И детскому сердечку не знакомы
Коварство женщин, лживые признанья.
Его прекрасный взгляд не затуманен:
Все интересно для него и ново.
Но он уже кричит, как будто ранен,
Пугая жен и их мужей суровых.
Разителем сердец ты создан женских,
И смерть еще твою не ставит точку,
Ты мне доставишь высшее блаженство,
Победами свою заполнив строчку.
А тем, кому подаришь ты усладу,
Ты часть меня с собой отдашь в награду.

ВАН

Что такое театр

Опубликовано на stihi.ru 28.04.2008 в 12:24

Что такое Театр? Кто нам скажет?
Что такое Театр? Кто ответит?
Говорят, что Театр – это поле,
Где сражаются и умирают...
Говорят, что Театр – это поле,
Где мерцает Луна, Солнце светит...

Что такое Актер? Объясните...
Что такое Актер? Расскажите...
Говорят, что Актер – это чувства,
Громкий смех и слеза на реснице...
Говорят, что Актер – это чувства,
Чувство гордости, славы в зените...

Мы Актеры? Скажите... Не знаем...
Мы Актеры? Скажите... Гадаем...
Не Актеры мы, если на сцене
Просто время мы убиваем...
Мы Актеры, если на сцене
Не играем, а жизнь проживаем...

ВАН © 2002

Одиночество

Опубликовано на stihi.ru 03.04.2008 в 20:36

Я люблю одиночество, право, -
Одиночество лечит сердца.
Я пою одиночеству славу,
Что уводит печаль от лица.

Что беспутных степенностью давит,
А степенным беспутство дает;
Что скорбящим надежды прибавит, -
Слезы высушит, боль уведет.

Одиночество – якорь великий,
Лучше всяких настоев и трав.
Он безликий и он многоликий,
Он молчит, и в молчании прав!

ВАН © 10.2005

Плохо...

Опубликовано на stihi.ru 12.06.2008 в 14:34

Почему мне так плохо?
Вроде все хорошо,
Но какая-то тяжесть на сердце.
Просто хочется сдохнуть -
Слишком все тяжело,
Манит, манит меня образ Смерти.

Может быть, заболел я?
Стрессовый дисбаланс,
По-научному как он зовется?
Может, просто живу зря?
И вся Жизнь лишь обман?
Потому-то Душе и нейдет?

В клетке Боли Душа
Под надежным замком,
И не вырваться на свободу.
И гниет не спеша
Отправляясь на слом
Непотребная мне и народу...

Знаю, Время придет
И закончится сон
Тот, что Жизнью донине зовется.
На Свободу уйдет
Сквозь смертельный излом
Смутный Дух мой - и не вернется...

ВАН © 10.06.2008

Прощальный бал?

Опубликовано на stihi.ru 19.09.2009 в 09:31

Прощальный бал? Я с Вами не согласен!
И не прощаюсь! И не ухожу!
Путь офицера труден и опасен,
И для него нет фразы «не хочу»...

В отставку? Пусть! Не осуждаю!
Приказ получен - должен выполнять!
Да где б я ни был, я одно лишь знаю:
МЫ ОФИЦЕРЫ ОБА!!! твою мать...

ВАН © 27.07.2008

Свой день рожденья не люблю

Опубликовано на stihi.ru 06.09.2008 в 08:54

Свой день рожденья не люблю.
Не потому что денег жалко.
А потому что я не жду
Ни поздравлений, ни подарков.

Я каждый год гостей зову
И стол, стараюсь, накрываю...
И каждый год чего-то жду,
Чего? Поверь, и сам не знаю.

Конечно, что-то дарят мне
И поздравляют - мне приятно.
Но только сумрачно в Душе,
А в чем причина - непонятно.

И где-то я привык уже,
Что праздник мне не удается...
И благодарен я Судьбе.
И Лишь Душе моей нейдет!

Моя капризная Душа!
Не веселит тебя ничто.
Опять грустишь? Скажи, Душа,
Меня ты мучаешь за что?

И вновь я за столом сижу,
Я счастлив - праздник удается!
Но все-таки чего-то жду -
Душе моей опять нейдет...

ВАН © 05.09.2008

Вад Пан

Здравица Перельману

В славном граде Перельмана есть такой чудак Басманов,
не мажор, не из совков - полукровка от Богов.
-Что? - принц крови? - Перельману это все по барабану.
Этот интеллеktуал Королеву посылал...
Соберется высший свет - водка есть, а пива нет!

Выпьем, братья Питеряне!!! С нами Бог! Мы все дворяне!
Власть важна для дураков... нам бы пива да сметков!

Про себя прочел Басманов: «... вилла, стая доберманов...»
что уехал он давно в Амстердам или Арно...
Пресса бич для Перельмана, как запекшаяся рана:
- «...Математик Перельман нам один природой дан...»;
- «...раз родится за сто лет, и другого в мире нет...»

Выпьем, братья Питеряне!!! С нами Бог! Мы все дворяне!
Лишних нет у нас штанов, кто на пиво дать готов?

...Но послушай, это ж честь - взять костюм прокатный здесь,
...быть представленным в Европе... где втесаться... где пролезть?
«Представлять»? «Втесаться»? «Лезть»? - для кого и долг, и честь...
Ты, брат, как не в подворотне,.. торгашей ты видишь здесь?
- Перельману это надо? - у него на пиво есть!

Выпьем, братья Питеряне!!! С нами Бог! Мы все дворяне!
Да пойдем, ведь тошно жить, если водку не запить.

Гость

На вершине груды бетонных блоков заброшенной в незапамятные времена стройки сидел человек. Его застывшая фигура устремилась куда-то в пространство, лицо бродяги захлестывали волны диковатого счастья, обнажая ровные зубы, резко контрастирующие с затасканным видом городского бомжа.

Он весь, сливаясь выдубленной солнцем кожей с грязно-черным цветом своих лохмотьев, был воплощением контраста. Силуэтом, вырезанным из иного мира на светлом фоне бетонных плит.

Смог бы нищий старик сам объяснить свое жалкое состояние или безумную радость?

Вряд ли. Разбираться в этом ему казалось слишком сложным и бессмысленным. Да и как? Когда ставят в тупик даже элементарные вопросы о месте рождения и возрасте? Наверно, старику еще не было сорока... но он не знал более точного определения, чем «вечность».

Его отрешенный взгляд блуждал в урбанистическом пейзаже, будто пытался охватить весь мир, все века и народы, с их чаяниями и обычаями, наивными представлениями и трогательным житейским укладом.

Он улыбался, вспоминая сочувственный и тревожный голос сотрудницы из отдела кадров – «вам надо восстанавливать документы! Как же иначе! Теперь у нас с этим строго!...». Вспоминал и ту, с которой его тяжелый гортанный говор обрел плавность привычной речи. Как сосчитать, сколько лет назад это было? Когда он был другим, восторженным и удивленным, бродящим по улицам, разглядывая лица прохожих?..

...Тогда он еще ничего не рассказывал. Эта потребность пришла позже.

И он снова улыбался, вспоминая, как напугал ее, предсказав аварию у булочной, как она молила не рассказывать никому.... Но это было невозможно, желание делиться росло, было сильнее его.

Дальнейшего он не помнил. Все таяло как-то неожиданно. Идея, что если ему удастся, систематизировать свои обрывочные, бессвязные рассказы, выстроить хронологию и

привязку событий, ...он способен не просто изложить человечеству грядущую историю, но и влить в нее... поглотила его полностью.

Ощущение абсолютной, не до конца осознаваемой власти, ответственность за слишком много жизней испытывал он, уходя из этой реальности, к которой, впрочем и так не принадлежал.

Был ли он болен? – Конечно!

Свою болезнь он воспринимал не как патологию, а как естественное следствие - он слишком много знал, чтобы быть нормальным, а постигшая паранойя становилась невыносимой.

Он мечтал лишь о минуте покоя, почувствовать вкус пищи, запах снега, беззвучие тишины... но жернова мозга работали помимо его воли, формулируя и сопоставляя, не притормаживая ни на секунду, смета грань между бодрствованием и забытьем.

Он долго ничего не рассказывал, может, просто не мог. Теперь он улыбался, вспоминая врача из клиники, выяснявшего - что за книги тот читает? Ни содержания, ни названия он не знал, разбирая лишь стилистику и орфографию. Ничто не связанное с главной миссией для него не имело значения. Он готовил-ся уйти и работать.

Вновь он стал рассказывать много позже клиники, в КПЗ. Это был эксперимент по изложению упрощенной, адаптированной версии будущего. Высокий худощавый следователь слушал, внимательно, не перебивая. Он не вещал, не пророчествовал, просто рассказывал, наблюдая за слушателем. Эксперимент прошел успешно. Его отпустили без единого вопроса. Но главное, в окне отделения он видел, как следователь надолго застыл в задумчивом оцепенении, забыв про забытый бродягами обезьянник.

В конце концов он обосновался на почте, где были столы и ручки, здесь его не трогали, выставляя лишь с трех до семи, на время наплыва посетителей. Кроме того, рядом была школа с помойкой, набитой тетрадами и йогуртами из столовой. Это лето было лучшим в его жизни. Хоть работа шла тяжело, но по ночам он снова видел звезды! А в дневной перерыв мог, как прежде, бродить в толпе, глядя в лица прохожих.

Странноватую невысокую женщину со здоровенным «конским хвостом» волос он заметил сразу. Что он почувствовал в ней? Или просто, узнал.... Она появлялась в одно и то же время, энергично проходила улицу, успевая на ходу сделать два, три звонка. Ее он преследовал с настойчивостью маньяка, запоминая всех ее абонентов, круг интересов, занятий, изучая образ жизни, поведение, реакцию...

Для него все было слишком важно. Он не имел права на ошибку.

Несмотря на росшую грудь черновиков, работа с чистовиками шла очень медленно. Он подолгу задумывался над каждой строчкой, прежде чем выписать ее каллиграфическим почерком, долго анализировал, сопоставляя значимость или обобщая, сводил в линейность параллельные события...

...Необходимо было выстроить грядущее внятно, и узнаваемо. И закончить до холодов... Как тяготила эта спешка! Он плакал, от сознания собственного ничтожества и беспомощности, кромсая черновики, мучился угрызениями совести, молил о прощении, силясь понять, что он должен излагать, а что нет...

До последнего дня, до последней точки рукопись терзала его воспаленную сомнениями душу, вплоть до решения, вправа ли он подписывать этот документ.

Но все кончилось, и он был настоящим счастливым.

Подобно капитану на капитанском мостике, возвышался он над миром, с горы бетонных блоков, созерцая крушение этого корабля. Принимая гибель спокойно, с сознанием до конца исполненного долга

В его душе не осталось ни капли тревоги или сомнений. Он понимал, что для всех его труд – папка с грудой макулатуры, какое-то внимание к ней может возникнуть лишь лет через пятьдесят...

... и тем тщательней он готовил почву для своего семени, всходов которого ему не увидеть.

Здесь, на заброшенной стройке, он сокрыл колоссальное состояние: ящики с лосьонами и бритвенными принадлежностями, коробки с костюмом «тройкой» крахмальными рубашками, штиблеты...

Он долго продумывал и подготавливал каждую мелочь.

Этот вечер он проведет у нее. Он предвидел все, с точностью до секунды. Без спешки и суеты он подготовит эту странную женщину, прежде чем оставить папку и исчезнуть.

Он слишком долго нес ключи от мира, чтобы под конец хоть что-то упустить из своего контроля, и только ненадолго мог просто и беззаботно предаться нахлынувшему счастью.

Он радовался осеннему солнцу, пробирающему морозцу, близкому окончанию непосильных забот...

Радовался тому, что ему не суждено пережить очередную зиму.

Вад. Пан. 2011 г.

Нелли Зима

topazzim@rambler.ru

Страница на сервере «Стихи.ру» - ametist3, Нелли Зима.

Русь и Зима

Зима пришла хозяйкой полноправной,
С морозом, вся земля убелена!
В величии для многих стала главной,
Из жемчуга на небе пелена.

Всё замерло пред снежною Царицей!
Явилась та без промедленья, в срок!
Закрыла Осень ледяной страницей
И обратила взор свой на Восток!

В объятия заключила Русь родную!
Застлала гладь речную крепким льдом!
Дыханьем остудила мысль шальную,
Накрыла всё в округе долгим сном.

Русь и Зима! Красу ту не измерить,
Не описать, не хватит точных слов,
Так на Руси умеют только верить
В Любовь и Истину Божественных Основ!

Раскинулась широко снежным полем,
Тайгою, долом, долгою рекой,
Очищена от скверны в том полоне,
Как чистой покаянною слезой.

Русь и Зима! Не знает удаль равной!
Нет на Земле доверчивей души!
Зимой пред Богом плачешь златоголовой,
Ты, Русь моя, чтобы достичь вершин!

Бог или Хаос?

В основе каждой клетки лежит жизнь,
В ней протекает тысяча процессов,
Они в единый цикл все слились,
И та не знает ни прогрессов, ни регрессов.

Всё установлено в ней раз и на века,
Она вне времени, эпохи здесь не властны,
Жизнь частная её и коротка,
И к действию Мира клетка безучастна.

А клетка – это целый организм,
Невидим глазом, но всему основа,
Премудрость движет этот «механизм»,
И мы лишь удивляться можем снова.

Она не только дышит и растёт,
Но делится и формирует ткани,
Наследственность в ядре своём несёт
И порождает массу состояний.

Она даёт нам сон и дарит смех,
Ответственна за гамму цветовую,
И предопределяет нам успех,
И суть в себе скрывает неземную.

Её разумность нам не объяснить,
Не постижимо Божие начало,
Вольны мы только клетку ту УБИТЬ,
Чтоб верить в Хаос глупо не мешала!

Закон Абсолюта

Нет, то не странность, то Бога реальность,
Его всемогущество, мудрость без края,
Величие Божие и гениальность,
Средь тернии скорбная тропка до Рая.

Из бездны греха и духовных падений,
Налогов бесовских*, к Христовой Голгофе,
Прозрения путь от своих заблуждений,
И имя Иисуса «на выдохе-вздохе».

И Истина Божья – закон «Абсолюта»,
Бесценность Души и слеза покаяния,
Смирение наше, пусть даже минуту,
И всем «по добру» и «по злу» воздаяние.

Неведом нам промысел Божий в Спасении,
Он всеобъемлющ, и Он – Тайновидец,
Он зрит и малейшее Сердца движенье,
Он – истинный «всем и всему» Очевидец...

Под этим Небом...

Торопим Время, а Оно спешит,
Вне нашего желания и участия,
И пульсом у висков порой стучит,
В бессрочности раскрыв свои объятия.

Включая, поглощает в Жизни всё:
Минуты Славы и года Позора,
Чем предопределяет Бытиё,
И сложно вырваться из этого затвора.

Вне сроков, мнений и вне расстояний
Под этим Небом лишь извечен Бог,
Вне чьих-то домыслов, страстей и притязаний,
Земных цивилизаций и эпох!

Любовь не может убивать

У Бога нет начала, нет конца,
А значит, у Любви нет времени и смерти,
Она – отождествление Творца,
Чтоб Счастье созидать на земной тверди.

Она сияет миллионом искр,
В сердцах людей, чтобы направить к Богу,
Прервать полет Души летящей вниз,
И вывести на верную дорогу.

Любовь не может убивать, она есть Жизнь,
И порождение ее, лишь созидает,
Добро и Свет в том порождении слились,
Но то, увы... не каждый понимает.

Любовь не может не любить, она есть Бог,
А значит, Альфа и Омега во Вселенной,
И сколько б ни было у нас с тобой дорог,
Лишь путь Любви есть к Вечности нетленной!

И плачу о Тебе, Святая Русь!

О, Русь моя! Тебе не страшен враг,
Тот, что всегда на подступах к границе,
Тот, что до времени скрывает грозный шаг,
И уподоблен кровожадной птице.

Нет! Он не может полонить Тебя,
Избранницу, возлюбленную Бога!
Ибо знаком с законом Бытия,
И вражья не о том давно тревога...

Ты, Мать моя, распята со Христом,
Своими... чадами... под натиском Безверья,
Что ранее молитвой и постом
В веках хранили зорко поколения!

Не сокрушить величие Руси
Огнём, мечом и злобою чужою,
С «Осанною», в сердцах, «на небеси»,
И слёзной покаянною душою.

Не истребима Ты врагом извне,
Но уязвима детской рукою,
В междоусобной пала Ты войне,
За ложную надежду жить в покое.

И убивая похотью своей,
И извергая собственных младенцев,
Земных в забвение отринув матерей,
Мы, чада, хуже всяких иноверцев...

И плачу о Тебе, Святая Русь!
Возлюбленная сердцем голубица!
В падении Твоём бессрочна грусть,
И чаю во Христе вновь возродиться!

Рассыпав жемчугом ушедшие года...

Рассыпав жемчугом ушедшие года,
Ласкаем с грустью их печальным взглядом,
Смысл осознав, что «Время, как вода»,
Уходит «в никуда», мелькая рядом.

И унося события, друзей,
Что бесконечно дорого и ценно,
Туда, где путеводных нет огней,
Слезою память омывая неизменно.

И мы скорбим во след ушедшим дням,
Где юностью прописаны страницы,
Бежим в мечтах босыми по камням,
Наивно веря в то, что зрелость снится...

Жизнь бездонна...

Жизнь бездонна, быстротечна, многолика,
Беспощадна, и порой... люта,
И немеет от взрывающего крика,
И рыдает словно сирота.

И бредёт дорогой неприкаянно,
И события листает день за днём,
За любовь сражается отчаянно,
Опаляема невыносимым огнём.

Но, устав от ритма сумасшедшего,
На обочине присядет ввечеру,
Чтоб душою прикоснуться к Вечному
И отринуть сердцем суету.

Одаряя нас воспоминанием
О мгновениях растаявших в годах,
Застывает жизнь очарованием
И мелодией в пролившихся стихах...

Жестоко Время...

Жизнь состоялась, верно, или нет,
Отдельные штрихи дополнит старость,
Не будет прежних взлётов и побед,
Мгновенна жизнь, и впереди ждёт малость.

И лишь в мечтах построить можно дом –
Душа противится и времени, и срокам,
И отложив раздумья на потом,
Незрелость юности приходит к нам пороком.

И сложно обуздать её задор,
Замкнув в футляр стареющего тела,
Нас до последнего пленяет всякий вздор,
И до реалий, к сожаленью, мало дела.

И мы, по-прежнему, парим в своих мечтах,
У «финиша» стремимся к новым «стартам»,
И видим молодыми себя в снах,
Встречать рассвет выходим пред закатом.

И абстрагируясь от внуков и детей,
Воспринимаем жизнь в сопоставленьи,
Теряя суть среди бегущих дней –
Жестоко Время,
ну, а Жизнь – мгновенье...

Вслед за туманами...

Вслед за туманами, столь долгими и тихими,
Вслед за тревогой уходящих дней,
Спешим в надеждах, ставшими безликими,
Не видя направляющих огней.

Те маяки давно лишь отражение,
Реалии свой изменили курс,
Но ищем тщетно мы их продолжение,
И только кажется, что под рукою пульс.

Незавершенность в мыслях, недосказанность,
Отчаяньем обретаем в суете
И ощущаем горечью привязанность
К далёкой и несбывшейся мечте...

Среди надежд и суеты

Из чувств рождаются слова,
Влекущие нас дивным светом,
И, вновь, поёт в душе струна,
Затерянная силуэтом,

Среди надежд и суеты,
Сплетённых вместе, как ни странно,
Чтоб стать заветным слову – «Ты»,
Среди реалий всех обманных.

Среди печалей и невзгод,
Среди сплошного невезения,
Где всё не так, наоборот,
Мир, изменяя за мгновение,
И открываем этот Мир,
И с душ своих снимаем маску,
Где среди обилия картин,
Творим в сердцах иную сказку...

Мой океан!

Мой океан, конечно, не объять,
И им случайно поглотилось Небо,
В нём может Время обратиться вспять,
И балом никогда не правит Эго.

Протоки Бодрости и Грусти рукава
В него впадают, как бы между делом,
Залив там Радости и бухта есть Слеза,
Надежда в будущее смотрит смело.

Там только Свет, и чужда Темнота,
Струится Радуги предивное сиянье,
Покоем манят Счастья острова,
Что воплощают тайные желанья.

И океан зовётся тот Любовь,
Лазурь Небес слилась с ним воедино,
Явившись в жизнь из чаяний и снов,
И стал от нас с тобой неотделимым...

Я в бесконечность вновь с тобой лечу...

Я в бесконечность вновь с тобой лечу,
Не измеряя времени, пространства,
И лишь неотделимой быть хочу,
И нет заветней слова «постоянство».

Меня не вдохновляет жизни бег,
Я не меняю прежних устремлений,
Что так не свойственно в наш сумасшедший век,
Годами жду я радостных мгновений.

И те мгновенья связаны с тобой,
Ты и мгновенья те неразделимы,
И оттого зову тебя «родной»,
И то гораздо больше, чем «любимый»...

Твоё имя

Как дорог мне во времени твой след,
Его изгладить не успели вьюги,
Его не растворил в себе рассвет,
Не скрыли беды – негоразд подруги.

Его не смысл осенний долгий дождь,
И по весне не унесло ручьями,
Не заслонила беспросветом ложь,
Десятилетия витавшая меж нами.

Его не тронули ни годы, ни печаль,
Не поглотила и тоска в разлуке.
Как прежде, дни считает календарь,
И имя слышится... твоё...
...в сердечном звуке...

Подари мне заветную Звезду...

Подари мне заветную Звезду,
Назови ее своей Любовью,
И от Счастья своего Слезу,
Положи все то ко изголовью.

Нежностью своею обними
И заставь от Счастья плакать тоже,
В Мир свой далекий уведи,
Что с годами стал еще дороже.

Ты отогрей меня своей Душой,
Доброй, большой и безмятежной,
И унеси в волне морской
В свой Океан Любви безбрежный.

И в Океане утонуть
Том я хочу, и без печали,
И в твоих объятиях уснуть,
Чтоб над нами чайки не кричали.

Подари мне заветную Звезду...
Ты отогрей меня Душой...
И в объятиях я твоих усну...
И ...обрету ...с тобой ...покой...

Будь моей Радугой...

Будь моей нежностью, будь моей ласкою,
Будь мне из детства доброю сказкою,
Будь мне надеждою, будь мне опорой,
Будь мне в печали помощью скорою,

Будь моей радостью, звездным сиянием,
Будь мне залогом с горем прощания,
Будь моим солнышком, будь моей радугой,
Только слезою, горькой, не надо бы...

Будь моим Счастьем....

Будь....

Я приду к тебе из Зари...

Я приду к тебе из Зари,
Дивным сном на исходе лета,
Грустью легкой оно парит,
И не ждёт-то совсем ответа.

Долгим эхом звучит «Люблю»,
Над простором души необъятной,
Радость вторит новому дню,
И все истины так понятны.

Это слово включает всё,
Замыкая собой бесконечность,
Смыслом полнит жизнь до краёв,
И уводит с улыбкой в вечность.

Я приду к тебе из Зари...

Мелодия Любви

Вновь за окном темнеет очень рано,
Заката нет, закрыло небо мгла,
Короче день стремится стать упрямо,
И тише ночь, и долго ждать утра.

Ноябрь опоён большой печалью,
Он хмур, суров, и что ни говори,
Скрыт горизонт жемчужною вуалью,
В предимии мелькают эти дни.

И солнце редкое глядит с небес устало,
Деревья сбросили пурпурный свой наряд,
И наготово временной предстала
Все та же Осень, что печалит взгляд.

И душу обнажила эта Осень,
Коснулась грусть запретной той струны,
Где лист березовый, а выше неба просинь,
Мелодии Любви, в которой ты...

Зима... зима...

Вот и дождались... за окном
С утра порхает убеляя
Округу снег... продлённым сном
Тем зиму тихо предваряя.

Покой присутствует во всём:
В молочном приосевшем небе,
Лениво плещет водоём,
В предзимней опоённый неге,

Застыли с ночи дерева,
И легкий заморозок в поле,
Прикрыта инеем листва,
И грусть присутствует во взоре...

Зима... зима... и близок день
Её законного вторженья,
И вслед ему грядет, как тень,
И новое отдохновение...

Приход Зимы

Приду к тебе пушистым снегом,
Не буду утомлять пургой,
И Тройкой белой с легким бегом,
Жемчужным небом над тайгой.

Я одарю тебя раздольем
И безмятежностью полей,
Забьется сердце поневоле
От запорошенных аллей.

Прикрою скверну я повсюду
И растворю тебя в тиши,
И сказку уподоблю чуду,
И нежностью коснусь души.

И закружу тебя мечтою
Заветной, в долгих зимних снах,
Чтоб новою зажглась звездой,
И в самых радужных тонах...

Зимний алфавит

А у Зимы свой алфавит,
Кому-то он совсем неведом,
Покоем он в сердцах звучит
И Счастьем под жемчужным небом.

Зима рисует свой узор
На ветке вишни и березы,
И сложно отвести нам взор -
Застывший стих рожден из прозы.

В нем музыка дождя и встреч,
И слез печальных расставаний,
Того, что хочется сберечь
Вне времени и расстояний.

Застыла нежная Любовь,
Разлука инеем искрится,
И отголоском летних гроз
Мне радость тихо в дверь стучится...

Снегопад

А снегопад стоит стеной,
Сокрыв собой бескрайность дали,
Жемчужной долгой пеленой,
Облекший все горизонталы.

Снег прибывает, и Земля
Под нежным дремлет покрывалом,
И убеленные края,
Краса внезапная объяла.

И близко небо в этот миг,
И Сказку наземь тихо сводит,
Зимы раздольной дивный лик
Слезой восторженной приходит...

Пусть будет так!

А в доме, в этот вечер, тишина,
Переплелись покой и безмятежность,
Пред взором дней мелькает череда,
Мы входим в Новый год, как в неизбежность.

И светится надежда вновь в глазах,
Что прячет сокровенные желания,
С загадочной улыбкой на губах,
И, как неотвратимость - ожидание...

Мы верим, вновь, что Счастье в жизни есть,
Но просто оно где-то заблудилось,
Людей хороших нам не перечесть,
А горе, то, что было, нам приснилось.

А Новый год, на то и Новый год,
Закроет старую печаль удачей новой,
И полоса закончится невзгод,
И станет мир в семье для нас основой.

Пусть будет так! Пусть сбудутся мечты!
И чаянья воплотятся в ночь в реальность,
И восстановятся сожженные мосты,
А жизнь окрасится в счастливую тональность!

Пусть будет так!

Пусть сбудутся мечты!

Матерь Божия...

Матерь Божия – Царица из цариц!
Мать матерям и сиротам отрада!
Лежу я пред Тобою снова ниц,
Твой амофор есть высшая награда!

Ты поражаешь кротостью беса,
И чуткостью заблудшего спасаешь,
И славой просиявшего Креста
Ты миром сердце верных наделяешь.

Твоё предстательство пред Богом - Божий Дар!
Имеешь тропочку от Бездны и до Рая,
Твоё смирение – исцеляющий нектар,
В безвременье гордыню опаляя.

И опекая любящих Христа,
Сопутствуешь Сама хранящим Веру!
Весною опоёны Небеса,
И чистотой в непостижимой мере...

Игорь Коломейчук

Коломейчук Игорь Николаевич. Родился 7.7.1947 в городе Одесса. Образование высшее. Окончил ВВМКУ им. Фрунзе в Ленинграде в 1970 г. Капитан 2 ранга запаса. 27 лет были отданы военной гидрографии. За плечами семь океанских походов, бывал в Германии и Ирландии, Канаде и США, в Сенегале и на Кубе, в Шри-Ланке и Корее, объездил весь Советский Союз. Стихи пишет с детства, в литературных объединениях не занимался. Его стихи печатались на страницах газет «Балтийский луч», «Наш край. Большая Ижора», «Христианская правда». Проживает в поселке Большая Ижора Ломоносовского района Ленинградской области. В настоящее время – на пенсии. Круг интересов: стихи, дача, футбол, семья.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД – С ЛЮБОВЬЮ

Среди озер и рек его дома не тонут,
Укрывшись валом от соблазнов и порока,
И стая куполов глядит из неба в омут,
Стараясь дотянуться до истока.

*

В отличие от новых городов,
Манящих славой и богатством отогреться,
Он вынес теплоту сквозь жернова годов,
Храня Отчизны быющее сердце.

Фото Н.С. Коломейчук, май 2011 г.

*

Чтоб уберечь заблудших от беды,
Соборы возрождаются неспешно,
Как Ноевы ковчеги у воды,
В наш век больной, потерянный и грешный.

*

В молитвах встают монастыри
Усилим верных слуг небесной рати,
В них совесть и душа – поводыри
К обители добра и благодати.

*

С Надеждой, Верой и Любовью к Богу
Ввысь устремляется красавица София,
Покрывшись золотым платком в дорогу,
Великая и Гордая Россия.

*

И растворяясь средь намоленных икон,
Мощей Святых и стен, где воздух мироточит,
Мы слышим дальний колокольный звон,
Но только не пойдем, что он пророчит.

*

Из храма в храм блаженно на простор,
Где небоскребов нет, а улочки чуть узки,
Где всюду правильный, спокойный разговор,
Слова, названья, даже рестораны – Русские.

*

На чудный мост, что над рекой свободной,
И пароходики, снующие легко, но деловито,
По седине дорожки судоходной
Вдоль берегов, не знающих гранита.

*

Покой, ухоженность неброская и чистота,
Молоденькие мамы с детскими колясками –
Во всем гармония и просто доброта,
Словно волшебники прошлись живыми красками.

*

Но время не сотрет обиды и невзгоды,
Земля, пропитанная кровью и слезами,
Стала рожать мужчин стальной породы
И женщин с родниковыми глазами.

*

Народ, прошедший ад и повернувший к Богу,
Не суд истории над жизнью ждет, не мщенья,
Он еще раз пройдет свою дорогу
Печали, боли, памяти, прощенья.

*
И снова голуби, усевшись на крестах,
Волей судьбы слетевшая пара,
Как ангелы-хранители на боевых постах,
Уберегут от нового пожара.

* * *
Колодец полный со святой водой
По воле Божьей для людей пробитый,
И царственный поклон монашки молодой,
Вернувшейся из сказки позабытой.

МЫСЛИ О НАС

Он дал нам все сполна,
Но мы слепы и ныне –
То свет зовет, то манит сатана –
Упрямо бродим по своей пустыне.

Забыты сердцем заповеди Божьи,
И ангелы-хранители устали
Сражаться за крещеных, но безбожных,
Что в суете смысл высший потеряли.

Живем во лжи, не зная покаянья.
Построив храмы, путь туда забыли.
В молитвах без любви, души, страданья
Блага духовные земными подменили.

Коварностью армады бесовской
Расставлены вокруг порока сети,
Где деньги льются грязною рекой,
Где чьи-то сестры, жены, дети.

Успешные гламурные журналы,
Набор постельный поменяв едва,
Под пошлость, сплетни и скандалы
Нас прочно заселяют в «Доме-2».

Где суд безумный учиняют
Над нашим прошлым, трудным, славным,
А, кесарнувшись, вновь рожают
Лишь песни «старые о главном».

За двадцать коматозных лет,
Устав от перестроек и реформ,
Мы так и не нашли приоритет
Законных, нужных, человеческих норм.

И безнадежно сидя на игле,
Качая лихо газ и нефть сквозь вены,
Ведут доверчивый народ ко мгле
Временщики, воры и бизнесмены.

Подстроив под себя законы,
Свободные от равенства и братства,
России герцоги, маркизы и бароны,
Уехали и вряд ли возвратятся.

Убийства, деньги, проститутки, блуд,
Наркотики, продажность, жадность, взятки,
Деревни пьяные и «неподкупный» суд,
Маньяки, ЖКХ и педофилы гадкие.

И не понять средь воющего хора
Неотвратимость череды знамений,
А серный дух Содомы и Гоморры
Лишь капля в море предостережений.

Настанет час и, может быть, икнется,
Когда великий, растерявшийся народ
С беспечным опозданием проснется,
Узрев на западе пугающий восход.

* * *

Видно, кони шальные умчали
От рябин и берез красно-белых.
Неужель мы еще не устали
От цветов революций неспелых?

Может, корни спьяна подрубили,
Что связали нас всех пуповиной,
Иль источники все отравили –
Божьей Матери слезы невинной?

Что ж, сломаться и душу продать?
Власть и деньги без пользы, без меры!
Все же лучше картошку сажать,
Чем растить беглых миллиардеров.

Дай Бог, разум в конце концов
Соберет нас в родную стаю,
И воскреснет земля отцов,
Потому что она – святая!

Великий пост. 2011 год.

* * *

Пылинок миров бесконечное эхо,
Пространства бескрайнего древняя новь,
Вращается ВЕЧНОЕ в искорках смеха,
Казнит, возвышает безумную кровь.

Невидящих глаз дуновеньем коснется,
Теплом бессознательным в сердце войдет,
Тоской и тревогой в душе отзовется,
Охрипшей бессонницей сны разорвет.

Захватит, заставит, простит и забудет,
Отдаст, заберет, потеряет, найдет,
Кому-то поможет, кого-то погубит,
Кого-то оставит, а с кем-то умрет.

Девчонкам нашего двора

Классики, скакалочки,
Эскимо на палочке,
Бантики, косички,
Куколки – сестрички.
Фильмы до шестнадцати,
В жизни разобраться бы.
Рюмочки, стаканчики,
Худенькие мальчики.
Первые заботы,
Деньги заработанные.
Поцелуи страстные,
Времена опасные.
Песенки медовые,
Поколение новое.
Хлопоты, пеленки...
Где же вы, девчонки?

Колыбельная дочери Анне

Над головкой стриженной слабый свет струится,
Смотрят забывками махровые ресницы,
Тоненькие пальчики, нервно и устало,
Пробегают музыкой, скомкав одеяло.
Ручки воздух щупают, словно ждут кого-то,
Чтоб пришли, погладили, извинив за что-то.
Сон приходит медленно, чуткий и тревожный,
Пусть тебя коснется он сказкой осторожной.
С ночью пошептавшись, мы узнаем тайны,
Как попасть к волшебникам в сказочные страны,
А далеких звездочек хоровод веселый
Нам подскажет верное, колдовское слово.
И тогда таинственной лунною тропой
Мы с тобой отправимся за живой водою.
Нам леса дремучие светлячки осветят,
Лешаки скрипучие, улыбнувшись, встретят.
Проплывем на облаке в синеве безбрежной,
Пробежим по радуге разноцветной, нежной,
Вспыхнет отражение, пролетев над льдиною -
Улыбнется личико кудрявою Мальвиною.
Море лучезарное вспенит волны ласками,
Вся земля засветится Аютиными глазками.
Ветер вскружит голову, дождь грибной закапает,
Ты смеешься и поешь с мамою и папою.
Солнце красное встает над землею сонной,
Ночь уходит, и идет день неугомонный.
За мечтой не улететь, как за синей птицей,
Спи, кровинушка моя, пусть тебе приснится...

Гимн Большой Ижоре

Из глубины веков глядит на нас
Суровый край, земля отцов – Ижора.
И речка Черная, что радует наш глаз,
В залив впадает сказочным узором.

Приют охотников, рабочих, рыбаков,
Людей простых и славных генералов.
И церковь в памяти стоит среди холмов.
Та, что крестила их детей и отпевала.

ПРИПЕВ:

Святой наш край, кристаллик родины моей,
Ты оживешь усилием внуков и детей,
Сады поднимутся и вырастут цветы
В глазах и душах, полных доброты.

Старанием и волею Петра,
Войдя в Россию, навсегда Россией стала,
Но в сорок первом озверевшие ветра
Пришли, и ты детей своих отдала.

Из пекла войн, прошедших по сердцам,
Из тел и душ, подстреленных в полете,
Не все вернулись до родимого крыльца,
Погибнув в море, танке, вертолете.

Взмахнули лебеди крылом,
Их унося в последний дом.
Уплыли стаей в необъятные просторы,
Весною, выстроившись в ряд,
Они к нам снова прилетят,
Собой украсив берега Большой Ижоры.

ПРИПЕВ:

Святой наш край, кристаллик родины моей,
Ты оживешь усилием внуков и детей,
А всех, кто не остался с нами жить,
Ты будешь вечно помнить и любить.

* * *

Разве жалуется трава, пожелтев от непогоды,
И поспевшие сады, что согнулись под плодами,
Убегая в никуда, разве плачут дни и годы,
И родные, что ушли, забываемые нами?

А непонятый урок -
Жизнь мудра, и бесконечно
Перечеркивает срок,
Нами прожитый беспечно,
И стремимся ухватить
Памятью своей былое...
Жизнь прекрасна тем, что есть
Старое и Молодое.

* * *

Кто ответит на давний вопрос:
Где берется Начало Начал,
Изо тьмы пучеглазия звезд,
Где наш мир удивительно мал,

Из воды родниковой у ног,
Что бежит по земле, как кровь,
Из исканий своих дорог,
Что ведут в бесконечную новь,

Из травы, где шли босиком,
Из любимых и теплых рук,
Из цветка, что зовут васильком,
Из душевных казнящих мук?

Память нашей души – наш страх:
Как вернуться к основе основ,
Чтоб письмо прочитать в зрачках
За века. От Отца Отцов.

ПРОГУЛКИ ПО ПЕТЕРБУРГУ

Кронверк

Сухой удар сигнальной пушки
Принес огонь воспоминанья,
Зимний дворец держа на мушке,
В каре декабрьского восстанья,

Где кавалерии атаку
Рушат восставшие полки
И ждут приказ, готовясь в драку,
В строю гвардейские стрелки.

Сраженный пулей губернатор,
Сползая медленно с коня,
Глядит, как бледный император
Спешит укрыться от огня.

«Долой царя! Права. Свобода», -
Призывно тонет на устах.
Надежды тень – в толпе народа,
А в лицах генералов – страх.

Безвольный, струсивший «диктатор»,
Несостоявшаяся речь...
Все. Коронован узурпатор,
И бьет в упор своих картечь.

Проклятья, крики, стон, молитвы
Под меч, разящий вновь и вновь,
И боль души, ушедшей с битвы,
На невский лед, впитавший кровь.

В тринадцатый восход июля
На кронверкском валу неловко
На шее пятая петля
Сорвалась сгнившею веревкой.

Где их могила, не гадай,
О ней никто не знает. Просто
Скрывает тайну Голодай –
Вечный декабрь, последний остров.

У Петропавловки

Нева туманным холодком
Всегда приятно освежает.
Иду по пляжу босиком,
А взор разбуженный блуждает.

Средь юных дев и дам столичных,
Господ и шумной детворы,
Раздетых и почти приличных,
К воде – подальше от жары.

Туда, где корабли – колонны
Величием морских побед
Несут судам и людям сонным
Вечных огней высокий свет.

Где, вынырнув из вод стальных,
Как мощный корабельный остов,
Крушит хребет ветров шальных
Васильевский священный остров.

Стоит, рождая боевые корабли,
Чтоб первые в России капитаны
В походах и сражениях вошли,
Как равные, в моря и океаны.

Несли дозор от Родины вдали,
И погибали от смертельной раны,
Их души беспокойные ушли,
Как строгие морские караваны.

Становятся и ныне в строй
Питомцы из гнезда Петрова
И в жизнь выходят, словно в бой,
Отдав швартовые от Корпуса Морского.

* * *

Вновь представляя Свету новый век,
Судьба с душой опять шагают в ногу,
А между ними скромный человек
Нащупывает скользкую дорогу.

Каким он будет, этот человек?
Небо копя, протянет сотню лет,
Иль, совершив стремительный пробег,
Звездой взорвавшейся оставит яркий свет?

Прекрасной музой резко воспаряя,
Погрузит мир в божественные звуки,
А стих из-под его пера
Подарит истинные чувственные муки?

Теплом согреет ближних и уйдет,
Степенно слившись с благодарною вселенной,
Или, замешкавшись, обиженно мелькнет,
Царапнув нервы искоркой мгновенной?

Раздует спящие таланты, будто свечи,
Иль гения из зависти уьбет,
Растопит злобой дьявольские печи
Или, спасая доброту, умрет?

Российская земля, - молитвами святых, -
В стремлениях своих не безразлична Богу,
И даже луч ее от искр золотых
Укажет затерявшимся дорогу.

2000 г.

* * *

Наш мир, уставший от безумия идей,
Став очевидцем тяжких преступлений,
В пустых глазницах не родившихся детей
Прочтет нам приговор от новых поколений.

И только ангелы заплачут в облаках,
Когда испуганная ночь на крик сорвется,
Увидев мать, держащую на поднятых руках
Спасителя, который к нам вернется.

Великая, несчастная страна!
Средь куполов златых, в обличье новом
Тебя терзает вечная война
России, стонущей в венце терновом.

Сказка – быль

(ко дню медицинского работника)

Не светлица, не темница
У залива, за рекой –
С давних пор стоит больница,
Исцеляя мир людской.
Здесь лечились и рожали.
Сестры, нянечки, врачи
Свою душу отдавали
И... приличные харчи.
Изо всех окрестных сел
Всяк спешил сюда болезный,
Будто хвойный дух полезный
Их на это место вел.
Годы шли, неся потери, -
Жизнь всегда печальней сказки.
И больницы захирели,
Словно по немой указке.
Покосились терема
Без ухода и ремонта.
Нынче строят «хорома»
Не для нас, а для «бомонда».
Сократился персонал.
За грошовую зарплату
Он «безвременно» устал,
Сгинув в частные палаты.
И не счесть нечистой силы,
Возлагающей надежды
Здравницы пустить под пилы,

Взяв землю под коттеджи.
Вот тогда честной народ
Сам анализы попрет
В Петербург али столицу.
Не живая ведь водица!
И поймет, что «полиса»,
В жизнь войдя не без причины,
Суть – билет на небеса
От бесплатной медицины.
Да, похоже, средний класс –
Это, братцы, не для нас,
Коль, скрипя, уходят в лету,
Чуть родясь, «приоритеты».
Да и золотой запас
Не построит нам больницу,
Может Богу помолиться,
А он как-нибудь воздаст?
А ведь рядом олигархи
От всесилья скучают,
Как безродные монархи,
Тень свою обозначают.
Всем давно пора понять:
Школа, церковь и больница -
Вот чем надлежит гордиться,
Чтобы выжить и не спиться,
И детишек воспитать,
И потомков не стыдиться.

Стихи оказались пророческими. В феврале 2008-го года закрыли больницу, а заодно и военно-морской госпиталь в Кронколонию.

Из цикла «Россия»

Смерчи, шторма, ураганы
Нервно терзают сушу.
В тела земного раны
Злые вонзаются души.
Мятежных умов порывы
Ломают мгновений годы,
Несчастий людских нарывы
Выносят наружу подлых.
В крик злыми ветрами несемса,
Стараясь создать, только рушим.
В молчанье надрывно смеемся,
Теряя глаза и уши.
Волею снов лукавства
Находим, толкаясь, свой сад,
Свой мир, свой мираж и царство,
Себя поднимая в ад.
Теряем друзей и веру,
В расчетах, казалось бы, сложных
Находим душевную меру
Понятий и ценностей ложных.
По грязи бежим, убогие,
Дорогою первой Гадины,
Скупаем иконы строгие,
Забыв, что они украдены.

А хочется остановиться,
Солнцем упасть на травы,
Воды родниковой напиться
Взахлеб, не боясь отравы.
Проснувшись, увидеть небо,
Беспечного ветра коснуться,
Стремиться туда, где не был,
Кому-то в толпе улыбнуться.
Любви подмигнуть, что рядом,
Глазами, легко и сложно,
Поверить, что завтра не рано,
Забыть, что сегодня поздно.

1998

ЭХ, МЫ – КОНИ (Цыганская песня)

Мчатся кони, забыв страх,
И не разбирая брода.
Их заносит на ветрах
Жизнь и дикая свобода.
И играя, на ходу
Не заметили потери,
Очутившись с табуном
В разрисованном вольере.

Убегает жизнь-дорога
девкой босоногою.
Нас учили жить без Бога
погонялы строгие,
Били плетью по глазам
и расстреливали души,
Только черная слеза,
только вздрагивали уши.

Только гривы на ветру
Серебром завороненным,
Только стоны поутру
О мечтах обороненных.
И дрожа от жутких снов,
Вновь торопятся проснуться,
Чтоб в отчаянье, без слов
В чью-то гриву окунуться.

Убегает жизнь-дорога
девкой босоногою.
Нас учили жить без Бога
погонялы строгие,
Били плетью по глазам
и расстреливали души,
Только черная слеза,
только вздрагивали уши.

Жизнь прошла среди полей
На земле, большой и гордой.
Наших сказочных коней
Посчитали
Как безродных.

Сердце рвет, и до конца
Наша чаша не испита.
Мы живем, пока в крови
Кони цокают копытом.
Убегает жизнь-дорога
девкой босоногою.
Нас учили жить без Бога
погонялы строгие,
Но сумели сохранить то,
что дорого и свято,
На непролитых слезах
подрастают жеребята.

1998

Туяна Цыбденова

Цыбденова Туяна Баировна родилась 22 мая 1983 года в Окинском районе Бурятии. Образование высшее. Окончила Бурятский госуниверситет и Восточно-Сибирский государственный технологический университет, где в настоящее время осуществляет свою трудовую деятельность. Стихи пишет со школьных лет. Первый сборник стихов "Аянша" (в пер. с бурятского "Путник") вышел в свет в 2005 году. Увлекается древними бурятскими легендами и мифами. Замужем. Воспитывает сына.

Цикл стихов «Старый
калейдоскоп»
(размышления о временах
года)

Об осени

Письма-листья золотые
Игриво шлет осенний лес,
И тихо льют дожди густые –
Немая исповедь небес.

Какая строгая эстрада
Мелодий томных без конца
И без понятного начала,
И мыслей пестрых полоса.

И словно спрятались ответы
Под плотный занавес воды,
И до ближайшего просвета –
Одна вода и плен листвы.

О зиме

Под небом морозно-туманным –
Бескрайняя белая мгла.
Сюжет на холсте безымянном
С утра набросала зима.

Из мягкого плотного снега
Связав себе теплую шаль,
Кружилась она, заметая
Дороги извилистой даль.

Накрыло былые печали
Под толщей немой мерзлоты,
И медленным танцем снежинок
Сморило на добрые сны.

Где травы в серебряных нитях
Рассеяны щедро в полях,
На реках хрустальные плиты,
Леса в благородных мехах.

О весне

Блестит кристальной гладью лед:
Не сходит с луж мороз весенний.
А мне тепло от мысли той,
Что ты со мной под звездами Вселенной...

О лете

Седые старатели света
И зодчие нашей судьбы,
Свой путь начиная с рассвета,
Промчатся стремительно дни.

Как мало нам этого лета
В пучине зеленых лугов,
В огне густо-красных закатов,
В плену ароматных цветов.

В закат улетевшее лето...
Вернуть его хочется вновь,
Ведь лето – счастливое детство,
Вечно желанный наш кров.

Ольга Кириллова

В первый раз пишу тебе, читатель.
Надеюсь, ты оценишь здесь, сейчас.
Мои стихи тебе, мечтатель...

Когда судьба твоя не та, что как у всех,
Когда твой мир - другой, а внешний мир пустой,
Ты видишь звёзды, что говорят с тобою без помех.
Ты ведь иной, совсем не тот. Ты ведь изгой.

Не хочешь жить за счёт чужих страданий.
Ты хочешь быть как многие из странных,
Чьи души созывает ветер звездопада дальний,
И в сердце бьётся жажда путешествий дальних.

Ведь всем вокруг нужны лишь деньги, власть и страх.
Они боятся думать, видеть и мечтать, а нас
Других, совсем иных, сжигают на кострах.
И нет пути спасенья, нет места здесь для нас.

И всё же здесь, сейчас, живём мы в этом мире,
Сквозь слёзы, боль и пустоту, что в их сердцах.
Мы можем выжить здесь, когда звучат в эфире
Слова поддержки, доброты, разносимые в ветрах.

Надежда теплится, что мир переродится снова,
И мы не будем больше одиноки здесь.
Что все услышат песню звёзд, что играет для иного.
А если нет, то мы уйдём, не в силах перенести.

Мы верим, мы вернёмся в мир опять.
Когда судьба к нам будет благосклонна,
Когда нас будут здесь такими принимать.
И на звёзды взгляд падёт их восхищённо...

Холодный рассвет

Холодным рассветом покой оскорби.
Безжалостным светом судьбу удиви.
Ты веришь во тьму, она, как и свет,
Лишь отсутствие веры в то, чего нет.

Ночи время пройдёт не спеша.
Болит и кричит твоего мира душа.
Ты будешь стараться уйти, но в ответ
Получишь лишь звёзд холодный совет.

Пытаться спасти судьбы людей?
Не мешаться, уйти с дорог кораблей,
Везущих к рассвету души ветров.
Все это мираж, он бывает суров.

Они все уйдут не спеша на восток.
Постепенно покинут жизни исток.
Бежать им вдогонку, молить и просить -
Нет более жестокой судьбы, как любить.

Один душою, сердцем равен всем.
Слёзы высохли, и нет больше проблем.
Они ушли, ты теперь одинок.
Может, пора и тебе за ними на восток?

Но нет. Твоя душа трепещет. Жизни сила!
Поборется с тенью, и подождёт могила.
Путь лежит теперь в край другой.
Где, может, ты найдёшь и рай земной?

Крылатые

Есть мир, где небо радужное, сияние цветов.
Где облака сливаются, танцуя для ветров
Над океаном белых волн, воздуха потоков.
Плывут не слышно корабли с востока.

Наполнит паруса ветер силой страстной,
Чтобы могли доставить путников в прекрасный
Город жителей ветров и голубых дождей, бессмертный.
Город вечных странников дорог небесных.

Здесь новый путь открыт и новая судьба.
Крылатых ждёт новая прекрасная пора.
Время боли, горести и зла ушли в века.
Странники небес они, теперь, и навсегда.

Увидят цитадель в новом сиянии солнца,
Белых крыльев взмахи - движение танца.
Их души - ветра сущность, буря - сила.
А твердь земная - неприступная могила.

Нет, не увидят люди их полёта над землёй.
Не признают красоту, души серые покрыты мглой.
Сквозь тьму для них лишь отблеск хрупкий
Сияние их душ, как солнца свет, безумный, яркий.

Начало

Движение реки исхода историй.
Взмахи крыльев белой пустоты.
Начинания судеб новый сценарий
В руках твоих и твоей души.

Полёты над бездной по новым дорогам.
Белые перья и крылья по ветру.
Останется верен решениям новым
Странник начинающий свой путь поутру.

Бурею новой родится история.
Жизни дорога начнётся опять.
С первого, сложного, вздоха доверия
Новым друзьям, что смогут понять.

Новый путь, ошибки, иллюзии,
Сражения, победы, падения.
Ждут на пути, ответы фантазии.
Без границ пустоты и забвения.

Открой глаза, ведь души зовут
Голоса звёзд в песне космоса.
Взлетай! К небесам, они подождут.
Твоего решения, души твоей голоса.

Прими новый мир. Улетай к небесам!
Удержать во тьме лишь не позволяй
Пустым и не верящим в нас голосам.
В окрылённых ветрами. Скорее взлетай...

Новая дорога

В сердце нет сомнениям места.
Дорога лишь ведёт вперёд.
Отправляйся в путь. Ведь будет тесно
Сердцу в рамках пройденных дорог.

Ветер будет другом главным.
Ночь сквозь время проведёт.
Ты будешь «гнать», и путь свой славный
Пройдёшь, ведь друг не подведёт.

Моби Дик немного успокоился, но что-то в его поведении показалось капитану Александру странным.

– Я не узнаю тебя, Моби Дик. Почему ты не ревешь, не прыгаешь, не выбрасываешь фонтан воды?

– У нас большое несчастье, капитан Александр. Кашалоты и другие киты, дельфины, косатки, вместе со своими детьми, вдруг как по команде повернули и поплыли что есть силы к берегу. А потом стали выбрасываться на пляж. И теперь они лежат на берегу, и у них нет сил вернуться назад в воду. Они мучаются от жажды. Их кожа пересыхает на солнце. А у самых больших китов ребра не выдерживают их собственного веса, они задыхаются, потому что у них нет сил дышать.

– Что же случилось, почему это произошло?

– Самые старые киты говорят, что в море иногда случается неслышимый рёв земли, когда земля на дне океана ревет, но никто из животных и людей не слышит этот рёв. Рёв этот настолько могуч, что от него лопаются перепонки в ушах, сердце охватывает безотчетный страх, и обитатели моря в ужасе бросаются, куда глаза глядят. Когда рев заканчивается, они понимают, что надо вернуться в море, но ничего сделать уже не могут.

– Отчего это происходит? – спросили, услышав это, члены команды, но никто ответить не смог.

Тут к борту подошел Зюл и сказал:

– Я прочел в древних морских книгах о том, что когда континенты, такие, как Америка, Африка, Азия, плавающие на расплавленной сердцевине земли, сталкиваются друг с другом, трутся, и в месте их соприкосновения начинают подниматься горы, а в местах разрывов возникают гигантские морские впадины, тогда и возникает неслышимый рёв земли, такой сильный, что все внутренние органы животных и человека начинают вибрировать, и возникает ничем не объяснимый страх.

– Теперь мне понятно, – сказал капитан Александр, – но где все эти несчастные киты и дельфины?

– Они выбрасываются на песчаные Бразильские пляжи. Надо поскорей прийти к ним на помощь, иначе будет поздно. А сам я ничем не смогу им помочь, я ведь не могу двигаться по суше.

– Друзья мои, – сказал капитан Александр, – нам надо спешить и поскорей идти к Бразильскому побережью. Веди нас, Моби Дик, и не жалея сил, плыви так быстро, как только сможешь.

Корабль «Быстрые паруса» и белый кит мчались так быстро, что скоро достигли места катастрофы. Зрелище было ужасно – на много километров роскошный песчаный пляж был устлан телами морских животных; казалось, они были обречены на гибель.

– Слава богу, они пока живы, – сказал капитан Александр, – шлюпки на воду!

Экипаж на шлюпках, Дол и Зюл пешком, прямо по воде, бросились к погибающим китам и дельфинам. Матросы поливали животных водой, а Дол и Зюл, аккуратно подложив руки под китов, стаскивали их в воду. Моби Дик ничем не мог помочь им, но он плавал рядом и криками и щелчками подбадривал животных. Дельфинов поменьше капитан Александр вместе с матросами перемещал к воде без помощи Дола и Зюла.

Оказавшись в родной стихии, животные ликовали. Они били хвостами, выпрыгивали из воды, выбрасывали ноздрями фонтаны. Звуки восторженного гула и щелчки наполняли воздух на десятки километров побережья.

Но многие животные, даже оказавшись в воде, не могли прийти в себя и оставались без сознания. Дол и Зюл вместе с экипажем делали им массаж до тех пор, пока к ним не возвращалось сознание; некоторым пришлось делать уколы. Долу пришлось делать уколы в медицине. Все обошлось благополучно, и животные, даже те, что были без сознания, были спасены.

Когда корабль «Быстрые паруса» уходил, животные устроили настоящий концерт. Громкие горбатые киты нежно пели на разные голоса.

Их пение напоминало звуки труб, валторн, кларнетов и органа. Зато настоящую свистопляску устроили белухи, небольшие, пухленькие, очень общительные киты, которых называют морскими канарейками.

Они свистели,
визжали;
хрюкали,
мяукали;
тикали,
клевтали,
глухо стонали,
словно на флейте играли;
ревели;
женскими голосами пели;
пронзительно кричали,
будто в колокол ударили,
трели певчих птиц перепевали;
будто по стеклам звякали,
как ребенок плакали.

В их «пении» можно было услышать переливы птиц, струнный оркестр во время настройки, отдаленный шум детской толпы.

Моби Дик был счастлив. Киты благодарили не только капитана Александра, но и белого кита. Они знали, что именно Моби Дик привел «Быстрые паруса» к месту, где все киты и дельфины могли погибнуть, но были спасены. После этой ужасной катастрофы и чудесного спасения китов история вражды кашалотов с белым китом была забыта, и Моби Дик, их спаситель, стал лучшим другом кашалотов, китов и дельфинов.

На этом рассказ о том, как капитан Александр, его друзья, Дол, Зюл и Моби Дик спасли китов и дельфинов, заканчивается.

Ольга Огланова

Нарисую осень

Из стола достану краски в воскресенье.
Нарисую яркий я денёк осенний.
Золотую липу, клён пурпурно-жёлтый
И берёзок нежных лепестки из шёлка.
И собачку таксу, рыжую как осень,
И с букетом листьев первоклашку Тосю.

Выходной в стараньях проведу, рисуя,
А наутро «Осень» в садик отнесу я.
Удивятся дети: «Вот талант огромный!»
Но не загоржусь я, улыбнусь лишь скромно.

А не удивятся, не случится чуда,
Рисовать получше я учиться буду.

Рисунки А.А.Вазина

Осенний листок

Ах, какой лежит листок,
Словно яркий огонёк:
Жёлто-красно-рыжий!

Подними его с земли,
Отряхни, не урони,
Разгляди поближе!

Видишь, он похож немножко
Формой на твою ладошку –
Это лист кленовый.

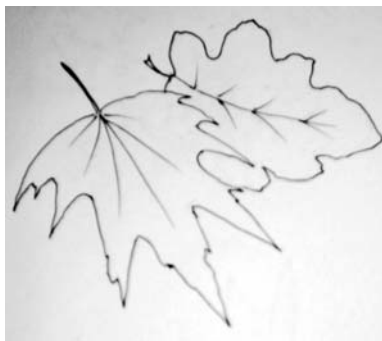
Отнесём его домой,
Там в альбом положим твой
Самый-самый новый.

И услышит наш листок:
«С новоселием, дружок,
Будь с дубовым в паре!»

Чтоб красивым был ваш дом,
Мы друзей вам подберём,
Создадим гербарий»

Ну а белою зимой
Мы альбом откроем твой.
Вспомним эту осень,

Что решила лепестки –
Разноцветья огоньки
Нам под ноги бросить!

Светка

Дал конфетку я соседке,
А моя соседка Светка
Ту конфетку не взяла,
Дурачком обозвала.

С ней случается такое:
Настроение плохое.
На неё не обижаюсь.
Сам конфеткой наслаждаюсь.

Скоро мне идти гулять.
Светку надо бы позвать.
Чем-то нравится мне Светка,
Вредная моя соседка.

Игрушка БОМЖ

На дощечку у помойки
Положили обезьяну:
Видно, старая игрушка.
У неё на сердце рана:
Дома ведь друзья, подружки,
Сладкий чай в красивой кружке.
Как она привыкла к дому!
А теперь всё по-другому.

Слёзы льёт ручьём бедняжка
И вздыхает очень тяжко:
«Дождь пойдёт, и я промокну,
А зимой совсем продрогну.
Ну кого это тревожит?
Кто же в горе мне поможет?»

Тётенька злюка

Тётенька злюка на свете живёт,
Тех ненавидит, кому повезёт,
Всем настроение портит она
И оттого-то всё чаще одна.
С нею не хочется вовсе дружить,
А без друзей ведь невесело жить.

Если идёт ей знакомый навстречу
И говорит от души: «Добрый вечер!»
Слышит в ответ: «Вечер просто ужасный!»
И улыбаетесь вы понапрасну:
Вид ведь у вас совершенно больной,
Да и костюм не идёт вам такой.

Внучка ж любимая ваша, Наташа
Так неуклюжа, заметно, что ваша!
Выиграл, знаю, ваш сын в лотерею,
Это к беде. Как его я жалею!
Вон сидит кошка на вашем окошке,
Очень у вас некрасивая кошка,
Да и окошко, пожалуй, кривое,
Я никогда не видала такое».

Тётенька злюка на свете живёт,
Всех огорчая, никак не поймёт,
Что доброты ей в душе не хватает,
Вот оттого без друзей и скучает,
Где доброту ей помочь раздобыть,
Чтоб захотели с ней люди дружить?

Правила дружбы

Если другу хорошо,
Смейтесь, пойте песни!
Коль час радости пришёл
Веселитесь вместе!

Ну а если огорчён
Друг твой почему-то,
Ты подставь ему плечо
В трудную минуту.

Много добрых слов скажи,
Пожелай удачи
И совместно с ним реши
Сложные задачи.

Не завидуй никогда
Другу ты в успехах.
Зависть дружбе навсегда
Может стать помехой.

Петины планы на лето

Непреренно этим летом
Стану я большим поэтом.

Опишу в стихах я травку,
Своего соседа Славку,
Ручеёк и муравьишку,
Длинноухого зайчишку!

Будет складно и красиво,
Скажут: «Ах, какое диво!»
Скажут: «Посмотрите, дети,
Вон идёт поэт наш Петя».

А пока возьму тетрадку:
Сочиню ка я загадку.
Просто так, для тренировки,
Ведь нельзя без подготовки!

«Скачет, скачет по лужайке....»
Как же дальше-то про зайку
Написать мне ярко, чудно?
Надо же, а это трудно!

Нет, пожалуй, я поэтом
Стану следующим летом.

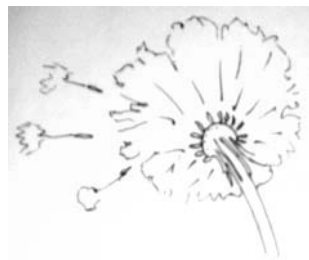

Кузин подарок

Котик Кузя мышь принёс,
Напугал меня до слёз,
Но не понял, почему:
Мышка нравится ему.
Думал, я ей буду рада.
Только мне мышей не надо!

Одуванчик

– Одуванчик, одуванчик,
Подари свой сарафанчик!
– Мне не жалко ничего,
А удержишь ты его?

Паша футболист

С Пашей я играл в футбол.
Он забил мне первый гол.
Я в ответ два гола аж.
Разревелся Пашка наш.
Маловат он для футбола.
Пусть ещё забьёт три гола!
Победил он, наконец.
Я сказал: «Ты молодец!»

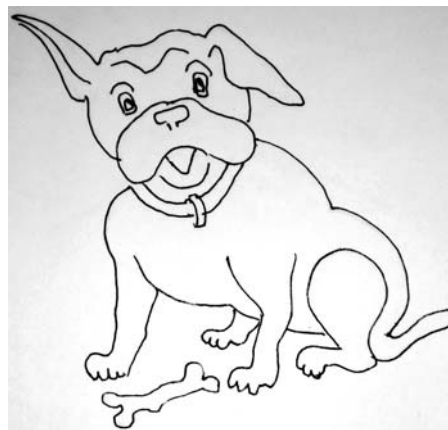

Почему?

У Катюши есть котёнок,
Кошки маленький ребёнок.
Через год уж эта крошка
Тоже станет взрослой кошкой.

Быстро ведь растут котят!
Так устроено на свете.
Что ж так медленно ребята,
Человеческие дети?

Подрастать быстрее всё же
Почему нельзя им тоже?!

Ненужные ссоры

«Не дружите, дети, с Машей!»
Убеждает всех Наташа, –
Эта Маша, каждый знает,
Слишком уж воображает».

Это я воображаю?
Да совсем я не такая!
Соберу-ка свой кружок:
Вон уж Санька, мой дружок,

Вон идут Марина с Петей.
Нужно их тихонько встретить,
И суметь уговорить,
Всех с Наташкой не дружить!

Друг за дужкою мы кружим,
Бродим стайками, не дружим,
Только стало скучновато:
«Хватит ссориться, ребята!

Чем помиримся скорее,
Тем нам будет веселее.
Время в ссоре лишь теряем,
Лучше в прятки поиграем!»

Покупка

Собачку купили на рынке:
На диву была, как картинка!
В моей умещалась ладошке,
Сказали, останется крошкой.

Но крошкой она не осталась,
Огромной дворнягою стала.
Обман мы, конечно, простили,
Ведь очень её полюбили.

Стишки – загадки

Назови растение!

У бабули на окошке много лет уж
он живёт,
Пусть колючий он немножко, но с
ним ранка заживёт,
Сок его полезен сердцу, если мёд
в нём растворить,
Он от множества болезней может
стойко защитить.
Долгожитель, многолетник, и
зовут его (.....?.....).
Есть название другое,
медицинское – (.....?.....)

Растение с несколькими названиями

В дом по приметам приносит доход,
Если с любовью, конечно, уход.
Быстро растёт, потому ему впрок
Новый мы купим цветочный горшок.
Ствол его толстый и листики тоже.
Очень они на монетки похожи.
Кажется, будто, вот-вот зазвенят,
Словно восточного танца наряд.
Где его Родина, как называют
Это растение, кто угадает?
Только названий не два, не одно.
Много названий имеет оно.

Цветок с именем мальчика

Назван он ласково именем
мальчика,
Дружит с ромашкою и с
одуванчиком
Строен и крепок его стебелёк,
В поле растёт этот синий цветок.
Как же прозвали его
(.....?)

Отгадайте!

Чубчик зелёный,
Сам золотистый.
Сок, хоть и едок,
Но облик лучистый.

Слёз с ним пролить
Можно целое море,
Но они вовсе текут
Не от горя.

Чистит бульон,
С ним вкуснее второе.
Сказки он детской
Стал главным героем.

Там всем несчастным и бедным он
друг.
Вы догадались? Да это же
(...?..).

В сказке ж он назван красиво и
длинно:
Там его имя звучит
(.....?.....).

Сказочки детям писатели дарят
Эту придумал
(.....?.....).

Что за каша?

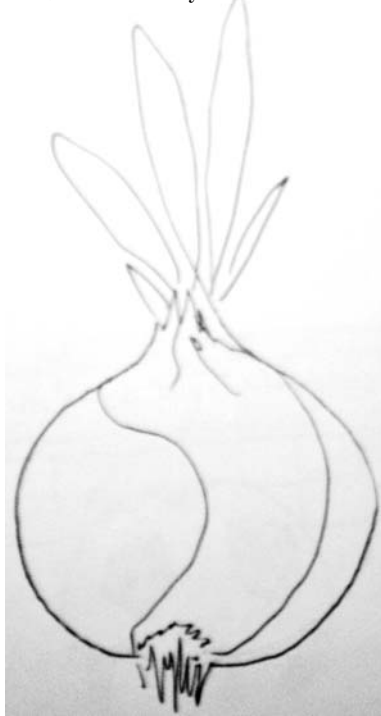
Вкусной кашки полон луг,
Кашку ту не ест мой друг,
Да и я её не ем:
Можно есть её не всем.

Вот корова тёти Маши
Очень любит эту кашу
И, когда её жуёт,
Молоко вкусней даёт.

Разным кашки цвет бывает.
Луг с ней словно оживает.
Ей по нраву юг и север.
Кашка та зовётся (..?.....)

Назови цветок!

Желтые глазки в белых
ресничках,
Людам на радость, пчёлкам и
птичкам.
Землю собою они украшают,
На лепестках их порою гадают
Бабочки любят их, любят
букашки
Эти цветочки зовутся (.. ?.....)

Что за цветок?

Скромный синенький цветок, травке кланяется он,
Назван звонко, но не слышен нам его цветочный звон.
Музыкальные приветы шлёт он полю по секрету.
Мил он, нежен и пригож, на светильничек похож.
Все, надеюсь, угадали, как цветочек тот назвали?

Кто это?

Не боится даже волка
Этот маленький герой,
Ведь колючие иголки
У него всегда с собой.
Не важна и резвость ножек,
Катится под горку (?...)

Стишки – загадки для самых маленьких

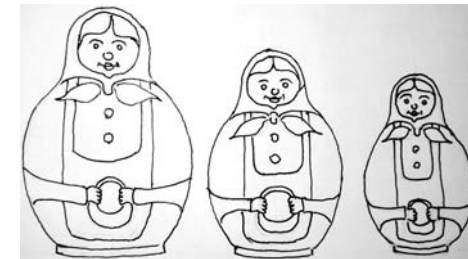
В небе кружится, порхает,
На моих ладошках тает
Лёгкий беленький пушок
Это падает (.....?)

Как солнышко светит и греет,
А взгляд её ласковый самый.
Любить очень сильно умеет
Детишек своих. Это (....?)

Золотистое оно,
Смотрит лучиком в окно.
Круглое, большое,
Тёплое такое (.....?)

Полосатый, хвост трубой,
Умный, шустрый, озорной.,
Мышкам ходу не даёт.
Догадайтесь - это (..?)

Боится волка и лису
И охотника в лесу
От колючего ежа,
Тоже прячется дрожа.
Ведь ужаснейший трусишка
Этот маленький (.....?)

Посчитаем матрёшек

Ну-ка, Маша, посмотри,
Здесь матрёшки: раз, два, три.
Вот уж их: четыре, пять,
Постарайся сосчитать.
Вот шестая – озорная,
И смышлённая седьмая.
Дальше восемь, девять, десять –
Младшие в семействе дети.
А теперь считай подряд,
Они выстроились в ряд:
Друг за дружкой хохотушек,
Десять куколок стоят.

Глянь, устали как матрёшки!
Отдохнут пускай немножко.
Мы теперь в одну их сложим,
До утра не потревожим.
Завтра нужно раньше встать.
Будем снова их считать!

Строгая бабуля

Не хотят внучата кашу
И галдят невыносимо.
Говорит бабуля Маше:
»Кашу ешь!». «Пусть первый Дима!»
«Дима, ешь скорее кашу!»
«Я, бабуля, после Маши».

Всё, терпение пропало!
На столе еды не стало:
«Меня больше не сердите,
На прогулку уходите!»
Вдруг прикрикнула бабуля:
«Да вы что? Прилипли к стульям?»

А внучата ожидают,
Что конфеты будут к чаю.
Всё бабуля поняла:
«Ну-ка марш из за стола!
Не дождётесь вы конфет,
Жду вас, внуки, на обед!»

Сказка о верных друзьях

Бездомная собака, собака - сирота
Однажды повстречала такого же кота.
И предложила робко: «Давай с тобой дружить!»
С тех пор в одном подвале они решили жить.
Питались, где придётся, им даже иногда
Перепадала очень приличная еда.

Но это редко, в основном
Голодный стол, холодный дом.
Кот, правда, ел ещё мышей.
Пёс сторонился пицци сей.
Зато он меньше стал грустить:
Вдвоём ведь веселее жить.

Однажды в темный их подвал
Котёнок рыжий забежал.
Он был так мал и так пищал!
Он ничего не понимал:
Где он, что с ним и почему
В подвале страшно так ему!?

Чтоб избежать лихой беды
Решили раздобыть еды ему хозяева,
Что дать, чтоб перестал малыш рыдать?
И где достать им молока?
Бездомных доля нелегка!

Тут кот отвагу проявил:
Пакетик молока стащил
Он из соседнего ларька.
За ним погнались что есть сил,
Но догонявшим преградил

Дорогу пёс, и зарычал,
А кот тем временем удрал!

На жизненном своём пути
Воришкой не был кот, спасти
Хотел лишь очень малыша,
А тот, в подвале, чуть дыша
От страха, бедненький лежал
И дом свой тёплый вспоминал.

И больше у двоих друзей
Уж не было свободных дней:
Котёнку нужно пить и есть,
Играть, гулять, забот не счесть!
Они старались, что есть сил,
И их котёнок полюбил,
Стал привыкать в подвале жить
И дружбой верной дорожить.

А вскоре погулять ему
Уж доверяли одному.
Он далеко не убежал:
Боялся не найти подвал,
Где пёс его оберегал
Да кот в обиду не давал.

На травке как-то он дремал,
Вдруг голос рядом услышал
Знакомый очень и родной,
Тот голос звал его домой,
Тот голос нежно говорил:
«Ах, милый, Рыжик, где ж ты был?
Где ж, бедалага, ты скитался
С тех самых пор, что потерялся?»

Прикосновенье тёплых рук он ощутил
И вдруг вскочил! И побежал к себе в подвал!
Зачем!? Он сам тогда не знал.
А там, в подвале, чутким сном,
Прижавшись, спали пёс с котом.

Проснулись тут же, «Что, малыш?
Ты испугался! Весь дрожишь!
И плачешь горько! Почему?»
Вопросы сыпались к нему.

И, успокоившись с трудом,
Поведал Рыжик им о том,
Что он хозяйкой найден был,
Той, что когда-то так любил,
Той, у которой тёплый дом,
Да только нет в нём пса с котом:
Его спасителей, друзей.
И к ним помчался он скорей!

Как прежде, стали жить они.
Недели тянутся и дни.

Но подступает грусть порой:
Котёнку хочется домой,
Друзьям его, конечно, жаль,
Вот оттого-то и печаль.

И, призадумавшись вдвоём,
Решили, что отыщут дом,
Где их питомец раньше жил
И, вероятно, счастлив был.

Как будет не хватать его
Коту и псу,
Когда они
Совсем останутся одни!
Осиротеет их подвал,
Где Рыжик бегал и играл!

«Но слёз не лить!
Сомненья прочь!
Котёнку мы должны помочь!»
Постановили так друзья
И отступать уже нельзя!

Нелегкой та была задача,
Но улыбнулась им удача
Хозяйку Рыжика сыскать
И обо всём ей рассказать

А благодарная хозяйка
Не захотела разлучать
Котёнка с верными друзьями.
Сказала им: «Пойдёмте с нами!»

Всех накормила, напоила.
Спать на подстилку уложила.

И не мечтали о таком
Бездомный кот с бездомным псом!
Остались в доме жить они.
И счастливы их были дни!

Сказка о капризной девочке

Жила была девочка-капризуля.
Маме и папе, и даже бабуле
Целыми днями она дерзила,
Заботу нисколечко не ценила,
Одни свои прихоти только любила,
И этим волшебника рассердила.
В сказочном сне он решил капризулю
Сам обучить доброте и культуре.
Крепко он за руку её взял
И на дорогу вдали указал.
Так сказал девочке строгий волшебник:
«Эта дорога – твой новый учебник
Вежливых слов и хороших поступков.
И не надейся дожидаться уступок!»

Всё, что здесь есть, будешь ты изучать,
А не усвоишь пока, будешь спать.
Тянется время во сне по-другому,
Сильно соскучиться можешь по дому!
Если ж в учебе лениться начнёшь,
Края дороги совсем не найдёшь!».

«Я не хочу изучать твой учебник!
К маме хочу я, противный волшебник!»
Девочка плакала, топала ножкой,
Но успокоилась всё ж понемножку.
По сторонам огляделась она
И поняла, что осталась одна.
Только дорога, а вдоль неё лес,
Строгий волшебник бесследно исчез.

«Вот бы проснуться в своей кровати,
Всем улыбнуться и маму обнять!»
Но был волшебным сон, и понять,
Как это сделать, она не могла
И на дорогу печально пошла.

Вся та дорога была из картинок,
Словно запутались в паутинке
Люди, зверюшки, беседки, дома,
И, как ходить по ней, думай сама,
Ведь никакого не видно пути,
Чтобы рисунки те обойти.
И капризуля решила тогда:
«Вот наступлю я, пожалуй, сюда!
Это ворота, за ним домишко,
А у окошка зайчиха с зайчишкой».

Тайна была у волшебной дороги.
Лишь на картинку наступят ноги,
Всё оживало. И вот на пути
Встали ворота. Но как в них войти?
Видит звонок. Нажимает. «Привет!» -
Ей проскрипели ворота в ответ.
«Эй, открывайтесь скорей! В чём же дело!
Я уж давно не пила и не ела!
Быстро впустите меня в тёплый дом!
Пусть там накормят меня, а потом
Много-премного подарят конфет!»

Строго сказали ворота ей : «Нет!
Тем, кто не ведает вежливых слов,
Мы никогда не откроем засов,
Но лишь постигнешь их смысл и секрет,
Будет и дом тебе, и обед».
«Что ж за премудрость слова эти ваши?
И как узнать их?» – спросила Наташа.
«Слышала их ты, и вспомнить должна,
Если не хочешь стоять здесь одна».

Девочка долго слова вспоминала,
Раньше и знать таких слов не желала.

Но, наконец, назвала их, и вот –
Щёлкнул засов у волшебных ворот.

«Здравствуй, – сказал ей весёлый зайчишка –
Есть у меня одна добрая книжка.
Хочешь, тебе я её подарю?»
«Да, за подарок благодарю!».
Девочка очень себе удивилась,
Вскоре с зайчонком она подружилась.
Вместе играли они и гуляли,
Разные книжки друг другу читали
Только грустила Наташа порой:
Сильно хотелось ей к маме, домой.

Думали зайчик с зайчихой всю ночь,
Как бы им девочке в горе помочь?
И объявили лесную тревогу.
Много пришло им зверей на подмогу.
Долго судили они и рядили
И, наконец, вместе вот что решили:
Лучше помочь нужно девочке стать:
Чтоб перестала капризничать, лгать,
Дерзостью близких своих огорчать,
В школе за партой лениво зевать
И на уроках ребятам мешать.
Строгий волшебник тогда к ней вернётся,
Сон расколдует, она и проснётся.

Девочка очень старалась учиться:
Так ей хотелось домой возвратиться!
Все на пятёрки предметы сдавала,
Вежливых слов разных много узнала.
Всех их в тетрадку свою записала.
Не забывала, всегда повторяла.
И вдруг волшебника повстречала.
Был он не строгий совсем, улыбался.
«Рад, что в тебе я не ошибался.
Верил, что скоро ты станешь другой.
Ну а теперь отправляйся домой!»

Слышит Наташа, будильник звенит.
Видит, что дома в кровати лежит.
Рядом зайчишка игрушечный с ней
Добрый и умный, как в сказочном сне.
Держит тетрадку он нужную очень,
В ней те слова, что записаны ночью:
«Здравствуйте, будьте добры, извините,
Благодарю вас, спасибо, простите».
Много на свете есть вежливых слов!
Кто этот список дополнить готов?
И объяснить, для чего слова эти
Знать должны взрослые люди и дети?

Ольга Бесс

Ночные забавы

– Как же мне надоела эта швабра и тряпки!

Манекен серии «Анастасия» под инвентарным номером «1207» мигнула голубыми глазами, брезгливо отбросила швабру и вытерла ладони о фартук. – Ты только посмотри на этих тупоголовых кур! Неужели нельзя для домохозяек придумать красивые фартучки с блёстками, вышивкой шелком?

Модель серии «Галина» под номером «3418» в свитере и широких спортивных брюках, еле держась на узких бедрах, окинула критическим взглядом подругу.

– Да, видок у тебя еще тот... А мне надоели свитера, штаны. Скорее бы лето. Люблю стоять в купальнике.

– Ах! Помню! – закатила в восторге голубые глаза Анастасия. – На тебе был чудненький купальничек с морской звездой на груди и розовыми блёстками! Они сверкали, словно чешуя золотой рыбки или русалочий хвост! Как жаль, что я не работаю в твоём отделе – мне так нравится Андрей... Он по-прежнему встречается с этой противной Ярославной? И чего он в ней нашел? Подумаешь, талия у нее на пять сантиметров уже! Зато у меня макияж.

– На ней ажурные трусики и лифчик с кружевами... А на тебе – фартук с тупыми курами и швабра в руках, – буркнула Галина. – И еще она говорит по-французски. Bonjour, mon cher!* – гнусавым голосом передразнила она. – Услышала где-то эту фразу и талдычит, как заводная кукла.

– Бублик прибежал! Как я его обожаю! Прелесть! – Анастасия наклонилась к собаке, погладила.

«3418» посмотрела на овчарку, пожала плечами: – Ничего особенного, обычный воюющий пес.

– Нет, нет! Не говори так... Он прелесть!

Собака понюхала протянутую руку, махнула хвостом и, отвернувшись, побежала вдоль рядов с одеждой.

– Работай, работай, мальчик! Ищи плохих дядей, которые прячутся в магазине. Жаль, у нас нет кошечек. Я так их люблю! На складе, куда меня привезли, были ...

– Хватит трещать! Пошли! – грубо оборвала подругу Галина. – Открыли новый отдел к Новому Году, говорят, там фифа появилась из новой серии «Альбина»... На ней шубка из шиншиллы.

– Шиншиллы? Бедные кошечки! – всхлинула Анастасия. – Слушай! – Она внезапно остановилась и схватила «3418» за руку. – А давай устроим ей обструкцию!

– Опять нахваталась словечек? Это что за абракадабра?

– Полгода в спортивном отделе наложили на тебя отпечаток! Ты деградируешь! – «1207» хихикнула. – Давай ей башку оторвем! Вот потеха будет!

– Хорошая идея! – Глаза Галины засверкали, она подтянула сползающие с бедер спортивные брюки и прибавила шагу. – Нечего ей выпячиваться! Подумаешь, фря! Пойдем к ребятам из отдела «Охотник и рыбоволов», инвентарь возьмем. Накинем на нее сеть, повалим и... Крик!

Манекены довольно рассмеялись и поспешили на второй этаж. Еще издали они увидели манекенов серии «Александр» и «Василий». Манекены сидели в надувной лодке и играли в шахматы.

– Опять играют! Вот идиоты! И чего интересного в том, чтобы двигать по доске чушки из дерева? – ехидно прошептала «3418», прикрыв ладошкой рот.

– Ты не понимаешь! – мечтательно вздохнула Анастасия. – Это интеллектуальная игра, пришедшая из Персии.

– Ты-то откуда знаешь? – подозрительно покосилась на подругу Галина.

– Я немного работала в отделе игрушек в Детском мире. На мне был кошмарный желтый сви-

тер, правда, джинсы мне нравились... Рядом стояла модель «Леночка». Она работала моей дочкой. Очень образованная шестилетняя малышка! С ней было нескучно.

– А я всегда мечтала попасть на витрину... – шмыгнула носом «3418».

«1207» вздохнула, – Все мечтают, но там жесткий конкурс. Мы с тобой по цвету не пройдем: берут золото, бронзу, с очень качественным макияжем и париком... Хай, мальчики! – приветливо кивнула она манекенам, одетым в высокие сапоги и прорезиненные куртки.

Манекены Александр и Василий подняли головы, радостно кивнули в ответ.

– Привет, девочки! Каким ветром?

– Нам нужна сеть.

– Сеть? Рыбку решили половить? – подмигнул Александр.

– Дурак! – фыркнула «3418».

– Может, и рыбку.

– Я тебя знаю, Галина, колись, что задумала? – Александр смерил ее испытывающим взглядом. – Не скажешь, ничего не получишь. Мы тоже хотим развлечься!

– Ладно... Ладно... Не парься! – Игриво скосила глаза Анастасия. – Мы хотим устроить обструкцию новой фифе из мехового отдела.

– Чего!? – удивленно протянули манекены.

– Башку хотим ей оторвать! – грубо рассмеялась Галина.

– Это как же? – Александр от удивления даже привстал.

– А вот так... Накинем на нее сеть и... Крик! – хихикнула Анастасия, кокетливо подмигнув Василию. В отличие от своего синего напарника, он был молодой, бронзового цвета, и поговаривали, что к летнему сезону вполне может попасть на витрину. Александр и Василий переглянулись, выбрали из лодки.

– Пропустить веселье? Плохо вы о нас думаете!

Квартет, прихватив сеть, направился на первый этаж. Навстречу им попадались знакомые манекены, которые раскланивались и улыбались в ответ. «1207» и «3418» придирчиво оглядывали других женщин - манекенов: что на них надето, какая бижутерия на руках и шеях... Какие туфли на ногах.

– Посмотри, какой костюмчик! – прошептала «1207», провожая взглядом манекен. – Это из «Oggi».

– Потом, потом... – раздраженно пробормотала «3418». – Сначала разберемса с фифой.

Подходя к отделу мехов, они увидели толпу. Протиснувшись вперед, Анастасия и Галина застыли. Такого манекена они еще не видели. Девушка стояла, выдвинув вперед изящную ножку в лакированной красной туфельке, уголки пунцовых пухлых губ чуть подергивались в снисходительной улыбке, и глаза... Такие живые, совсем как у людей, карие глаза смотрели на толпу надменно из-под челки светлых, блестящих как лен, коротких волос. Она стояла, запахнувшись в нежный, сверкающий и переливающийся словно вода, светло-серый мех шиншиллы.

– Ух! Ты! – выдохнул в восторге Василий.

Этот восторженный вздох заставил Анастасию очнуться. Скривив губы в недоброй усмешке, она пихнула в бок Галину.

– Крикнем?

– Угу! – кивнула головой «3418». Манекены решительно подступили к красотке в шубе.

– Не жарко?

Альбина надула пухлые губки и, сморщив короткий носик, пискливо произнесла: «Здесь гламур! Идите, старушки, к своим ведрам и тряпкам!»

– Ага... – кивнула «1207», – уже идем! Размахнувшись, она выбросила вперед сеть, накрыла с головой красотку в шубе и с силой дернула сеть на себя.

– На помощь! На помощь! – завизжала Альбина, судорожно двигая руками, пытаясь освободить-

ся. Потеряв равновесие, она упала, но никто из толпы не шевельнулся, чтобы помочь. Наоборот, манекены с жадным интересом наблюдали, как та барахтается, все больше и больше запутываясь в тонкой леске.

– Рыба! – закричали Анастасия и Галина. Они побежали по залу, потянув сеть за собой. Мгновение толпа стояла молча, потом манекены бросились следом, с азартом крича: «Рыба! Рыба!»

Бросив извивающуюся Альбину в руки толпы, Анастасия и Галина отступили в сторону, наблюдая, как манекены бегают по залу, таская сеть с вопящей красоткой в шиншилловой шубе.

– Она теперь не так надменна, – хихикнула Анастасия.

– И не так уж гламурна, – с ухмылкой вторила подруге Галина.

– Пошли, у нас еще есть много времени... Хочу примерить костюмчик!

– Как скажешь, подруга!.. – «3418» подтянула сползающие спортивные брюки. – А неплохую игру мы с тобой придумали...

– Завтра придумаем еще что-нибудь новенькое?

– Запросто! Если не унесут на склад.

– Люди... Такие злые! – вздохнула манекен серии «Анастасия» под инвентарным номером «1207».

*Bonjour, mon cher – Добрый день, мой дорогой

Щеглы и красные подсолнухи. Фото Татьяны Чернеги

Мероприятия Клуба археологов имени В.А. Городцова (Рязань)

От редакции: статья Дианы Дорониной и Александра Титова

Опубликована в 29-м томе петербургского литературно-художественного журнала «МОСТ»

Уже около двух лет мы (редакторы «Века искусства») периодически посещаем занятия Клуба археологов имени В.А. Городцова в Рязани (<http://www.gyazankreml.ru>). Встречи клуба проходят в Консисторском корпусе рязанского Кремля. Руководит клубом Василий Васильевич Судаков. Прийти на занятия могут не только археологи и историки, студенты профильного факультета РГУ имени С.А.Есенина, школьники, но и все, кто интересуется археологией и историей.

Запоминающимся событием февраля 2011 года стало выступление участника рязанской группы любителей подземелий «Стикс» А.В. Янаки (<http://www.stiks-speleo.ru/index.php?page=1>, <http://rosi-spelesto.narod.ru/org/struct.html>). Он рассказал о каменоломнях и технологиях добычи известняка в Рязанской области.

Кроме спелеологов, есть и другие «неархеологические» группы, которые занимаются изучением древностей. Например, историей кузнечного дела. В Рязанской области находится одна из единичных сохранившихся печей для промышленной выплавки металла, датируемых ранее XVII века. Узнали мы об этом благодаря докладу М.А. Раткина. Кстати, 9-11 сентября 2011 года в районе села Истье планируется провести Фестиваль кузнечного ремесла.

Научный сотрудник Института археологии РАН П.Е. Русаков (организации, которая в т.ч. исследует территорию перед застройкой на предмет наличия в ней археологических памятников) рассказал о вскрытии остатков дворца, построенного для визита Екатерины II в Новый Иерусалим (под Истрой).

Нас заинтересовали доклады В.М. Буланкина о колонизации Сибири русскими, о путях распространения металлургии и градостроительстве эпохи раннего Средневековья в Средней Азии.

После выступлений специалистов конкретной предметной области (спелеологов, кузнецов, палеоботаников и проч.), как правило, происходит небольшая археологическая дискуссия и сопоставление с данными традиционной археологии и результатами исследований рязанских учёных. Особенно примечательными бывают дополнения, сделанные В.М. Буланкиным.

В рамках работы клуба нам удалось посетить город Коломну, который ранее находился на границе между Рязанскими и Московскими землями и являлся постоянным предметом споров между князьями. Экскурсия состоялась 27 марта 2011 года. Мы посмотрели крепостные стены коломенского Кремля, Маринкину башню (в ней в заточении держали Марину Мнишек, согласно легенде, но историки склоняются к тому, что так оно и было), Грановитую башню, монастыри, осмотрели экспонаты Краеведческого музея.

Мы стали также участниками международной научной конференции «Археология древнерусского города XI-XV вв. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза», проходившей в Рязани 6-9 апреля 2011 года. Во время работы конференции 7 апреля произошло торжественное открытие выставки Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника «Знак. Символ. Орнамент». Были представлены древние предметы, используемые людьми в повседневной жизни: посуда, орудия труда, украшения, вышивки. Но главным событием стало представление публике современной реконструкции образа Великого Рязанского князя Олега Ивановича (1350-1402). Эта работа была выполнена специалистами лаборатории скульптурной реконструкции Российской Академии наук. Князь Олег занимает особое место среди символов Рязани. Наш фотоотчёт о выставке опубликован на диске-приложении к тому №27-28.

В связи с этим необходимо добавить, что открыт филиал Рязанского краеведческого музея на месте Вожской битвы в селе Глебово Городище. Ведётся археологическое обследование территории и восстановление храма XVII века.

Желаем успехов рязанским археологам! Ведь впереди новые сезоны раскопок!